

A woman with her back to the camera, wearing a black Victorian-style dress with a high collar and long sleeves, stands in a lush garden. She is looking towards a large, ornate, multi-story house with a prominent corner tower and a mansard roof. The house has many windows and intricate architectural details. The scene is set in a garden with various plants and trees, and the sky is overcast.

*Жена
для
графа»*

Виктор Безматерний

Виктор Безматерный
Жена для графа»

«Автор»

2026

Безматерний В.

Жена для графа» / В. Безматерний — «Автор», 2026

Елизавета Воронцова знала, что отец проиграл всё состояние в карты, но не предполагала, что расплатой за его долги станет её собственная жизнь. Проданная в жены старому графу Волкову, она попадает в мрачную усадьбу. Дом, построенный на древнем алтаре, живёт своей пугающей жизнью. По ночам Елизавета слышит шаги в пустых коридорах и шёпот за дверью своей спальни. Граф, одержимый идеей бессмертия, проводит жуткие эксперименты в башне западного крыла, а в подземелье плавают в колбах тела его предыдущих жён. Но самое страшное — это старый колодец в саду, ставший братской могилой для десятков девушек. Сможет ли любовь победить многовековое проклятие? Успеют ли они остановить безумца до того, как Елизавета станет последней жертвой и её жизненная сила будет выпита до дна? Чтобы уничтожить зло, укоренившееся в этих стенах, потребуется не просто бегство, а очищение огнём. Усадьба теней — это история о том, как свет может родиться из самой крошечной тьмы.

© Безматерний В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Виктор Безматерний	5
Глава 1. Последняя ставка	6
Глава 2. Тайна сердца	11
Глава 3. Брачный контракт	18
Глава 4. Прощание с домом	26
Глава 5. Встреча с графом	33
Глава 6. Дорога в неизвестность	40
Глава 7. Усадьба теней	45
Глава 8. Странные слуги	49
Глава 9. Картина на стене	54
Глава 10. Чашка с секретом	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Виктор Безматерний Жена для графа»

Виктор Безматерний

Глава 1. Последняя ставка

Я пишу эти строки дрожащей рукой, и чернила расплываются на бумаге — не от сырости, а от слёз, что я тщетно пытаюсь скрыть. Сегодняшний день, 24 мая 1778 года, разделил мою жизнь на «до» и «после». И я, Елизавета Воронцова, дочь некогда гордого, а ныне опозоренного дворянина, должна запечатлеть этот ужас, чтобы не сойти с ума.

Наш дом всегда был полон света. Не того холодного, зимнего сияния, что пробивается сквозь узкие окна, а тёплого, живого света. Он струился из окон гостиной, где матушка вышивала у камина, отражался в начищенном паркете, играл на гранях хрустальных бокалов в буфете. Воздух был пропитан ароматами воска, лаванды и свежей выпечки. Я помню, как в детстве бегала по этим залам в лёгких туфельках, и эхо моего смеха казалось таким же родным, как треск поленьев в очаге. Отец, высокий и статный, всегда возвращался с прогулок с румянцем на щеках и запахом осенней листвы. Он подхватывал меня на руки, и мир казался незыблемым крепостью.

Но крепость пала. И пала она не под натиском вражеских ядер, а под тихий шелест карт и глухой стук игральные костей.

В тот вечер я сидела у окна своей светелки. Сумерки сгушались над садом, превращая знакомые очертания деревьев в причудливые, зловещие тени. Я смотрела на дорогу, ожидая. Не знаю, кого именно — весточку от Андрея или просто перемены. Моё сердце томилось в сладкой и запретной тоске. Андрей... солдат из соседней усадьбы. Мы встречались лишь мельком, у ограды, когда он нёс караул. Но одного его взгляда было достаточно, чтобы мои щёки вспыхивали огнём, а душа рвалась из груди навстречу ветру. Я знала, что отец никогда не благословит такой союз. Солдат! Какая нелепость для дочери дворянина. Но разве сердцу прикажешь?

Внизу хлопнула тяжёлая входная дверь. Я вздрогнула. Голоса были не просто громкими — они были острыми, как осколки разбитого стекла. Я отложила пальцы с незаконченным узором — розы на шёлке казались мне теперь насмешкой над увядающей надеждой.

— Папенька вернулся, — прошептала я горничной Дуне, которая тут же засуетилась у зеркала, поправляя мой чепец.

Я спустилась по парадной лестнице медленно, придерживаясь за перила красного дерева. Внизу царил хаос. Отец метался по гостиной, словно загнанный зверь. Его обычно безупречный камзол был помят, шейный платок сбился набок. Матушка стояла у камина, прямая и бледная как мраморная статуя. Её руки были сцеплены так крепко, что побелели костяшки пальцев.

— Это безумие! — голос отца сорвался на хриплый крик. — Я всё верну! Клянусь честью! Это лишь временные трудности!

— Честь? — голос матушки прозвучал тихо, но в нём звенела такая сталь, что я невольно прижалась к стене. — О какой чести ты говоришь сейчас? Ты проиграл всё! Всё! До последней нитки!

Отец замер на полуслове. Он повернулся к ней, и я увидела в его глазах не гнев, а животный страх. Страх человека, стоящего на краю пропасти.

— Софья... — он сделал шаг к ней, протягивая руку, но она отшатнулась, словно он был прокажённым.

— Не смей! — её голос сорвался на шёпот. — Ты продал наше будущее за горсть фишек и пустые обещания! Ты продал имение!

Слово «имение» упало в тишину комнаты тяжело и безвозвратно, как надгробный камень. Я почувствовала, как пол уходит из-под ног. Имение... Наш дом... Сад... Всё это больше не наше?

Отец рухнул в кресло у камина и закрыл лицо руками. Его плечи затряслись в беззвучных рыданиях.

— Это был князь Долгорукий... — глухо произнёс он сквозь пальцы. — Старый лис... Он всё подстроил. Я был уверен... Я думал...

— Ты думал? — матушка горько усмехнулась. — Ты никогда не думаешь! Ты живёшь одним днём! Своими прихотями! Своей игрой!

Я больше не могла стоять в тени. Ноги сами понесли меня вперёд.

— Папенька?.. — мой голос прозвучал жалко и тонко.

Отец поднял голову. Его глаза были красными и воспалёнными. Он посмотрел на меня так, будто видел впервые или не узнавал.

— Лиза... Доченька...

Он протянул ко мне руку. Я подошла и опустилась на колени у его кресла, вложив свои пальцы в его ладонь. Рука отца была ледяной и влажной.

— Что случилось? Что значит «проиграл»?

Отец судорожно вздохнул.

— Долгорукий... Он требует долг немедленно. У меня нет таких денег. Никогда не было... Я играл в долг чести... Надеялся на удачный поворот судьбы...

Матушка подошла к нам и положила руку мне на плечо. Её прикосновение было тяжёлым.

— Он проиграл не только деньги, Елизавета. Он проиграл имение Воронцовых.

Мир померк перед моими глазами. Комната закружилась в безумном хороводе: огонь в камине плясал дикий танец, портреты предков на стенах смотрели с укором и презрением.

— Нет... — выдохнула я. — Это невозможно...

Отец сжал мою руку до боли.

— Это так. Долгорукий уже прислал поверенного с бумагами. Завтра всё будет оформлено официально. Мы должны покинуть дом до заката.

Покинуть дом? Бросить всё? Мои книги? Мои платья? Сад, где я мечтала о будущем? Нет...

Я подняла глаза на отца. В них горела отчаянная надежда.

— Но папенька... У вас же есть друзья! Родственники! Они помогут! Они не дадут нам пойти по миру!

Отец отвёл взгляд.

— Друзья? Родственники? Они давно отвернулись от меня из-за моих... увлечений. Никто не даст нам ни копейки. Мы нищие, Лиза.

Слово «нищие» обожгло хуже пощёчины. Мы — дворяне Воронцовы — нищие?

Матушка отошла к окну и уставилась в темноту сада невидящим взглядом.

— Есть один выход... — её голос был глухим и безжизненным.

Отец вздрогнул и поднял голову.

— Софья?

Она медленно повернулась к нам. В её глазах не было слёз — там была лишь холодная решимость женщины, которой больше нечего терять.

— Выход есть всегда. Для нас с тобой всё кончено. Мы будем жить скромно, где-нибудь в глуши... Но Лиза... У неё есть то единственное, что ещё имеет цену в этом мире для таких людей, как Долгорукий.

Я похолодела от дурного предчувствия.

— Что вы имеете в виду?

Матушка подошла ко мне и взяла моё лицо в свои холодные ладони.

— Твоя красота, дитя моё. Твоя молодость и чистота крови. Это наш единственный капитал.

Я вырвалась из её рук и вскочила на ноги.

— Вы хотите сказать... Вы хотите продать меня?

Слово «продать» застряло в горле горьким комком. Как вещь? Как лошадь на ярмарке?

Отец вскочил с кресла так резко, что оно со скрипом отъехало назад.

— Нет-нет-нет! Софья! Ты не можешь говорить об этом всерьёз!

Но матушка смотрела только на меня, и этот взгляд пронзал меня насквозь.

— Не продать ради денег для нас самих! А обменять твою судьбу на нашу честь! На то, чтобы имя Воронцовых не кануло в Лету вместе с долговой распиской! Есть человек... Он очень богат. Старше тебя... намного старше... Но он готов взять тебя в жёны и покрыть все долги твоего отца в качестве свадебного подарка невесте.

Мир сузился до одной точки — лица моей матери. Старше? Насколько старше?

Я почувствовала тошноту.

— Кто он?

Отец отвернулся к окну.

> *«Граф Волков», — произнесла матушка имя так тихо, словно боялась спугнуть самую мысль об этом спасении.

>

> Имя отозвалось во мне гулкой пустотой.

>

> Граф Волков.

>

> Я слышала о нём раньше. Отголоски сплетен доходили даже до нашей уединённой усадьбы. Богатейший помещик губернии. И дряхлый старик.

>

> Говорили, что его первая жена умерла при странных обстоятельствах вскоре после свадьбы.

>

> Говорили, что он живёт затворником в своём огромном имении за рекой.

>

> Говорили...

>

> Я посмотрела на отца.

>

> — Вы уже говорили с ним?

>

> Отец кивнул, не оборачиваясь.

>

> — Он согласен.

>

> Всё было решено без меня.

>
> Моя жизнь была поставлена на кон в карточной партии отца и теперь обменена на пачку долговых расписок.
>
> Я посмотрела на свои руки — тонкие, белые руки дворянки, созданные для игры на клавесине или вышивания шёлком.
>
> Теперь они станут собственностью старика.
>
> Слёзы наконец прорвались наружу горячими ручьями.
>
> — А как же Андрей?.. — прошептала я имя моего солдата в пустоту комнаты.
>
> Матушка вздрогнула.
>
> — Кто?
>
> Но я уже не могла остановиться.
>
> — Тот человек... которого я могла бы полюбить...
>
> Отец резко обернулся.
>
> — Любить? О чём ты говоришь?! Сейчас не время для девичьих грёз!
>
> Его гнев был страшнее его отчаяния.
>
> Матушка подошла ко мне и обняла за плечи.
>
> — Это жертва ради семьи, Елизавета. Великая жертва.
>
> Жертва?
>
> Я посмотрела в зеркало над камином.
>
> Оттуда на меня смотрела незнакомка с искажённым от горя лицом.
>
> Завтра я стану женой графа Волкова.
>
> Моё сердце будет похоронено здесь же, под этими старыми липами.
>
> А тело отправится в дом к старику.*

Глава 2. Тайна сердца

Ночь опустилась на имение Воронцовых тяжёлым, душным покрывалом. Воздух, ещё недавно пахнувший сиренью и влажной землёй после дневного дождя, теперь казался густым и неподвижным, словно само время замерло в ожидании неминуемой беды. Я стояла у окна своей комнаты, прижавшись лбом к холодному стеклу. Мир за окном был чёрно-белым, как старая гравюра. Я видела лишь своё собственное отражение — бледный овал лица, обрамлённый тёмными локонами, и глаза, в которых плескался ужас прошедшего дня. Завтра. Всё решится завтра. Бумаги будут подписаны, ключи от дома переданы, и я перестану быть Елизаветой Воронцовой. Я стану вещью, дорогим приобретением графа Волкова.

Слово «замужество» в моём сознании не имело ничего общего с тем, о чём пишут в романах. Там это слово было окутано флером таинства, венчальные свечи горели ровным пламенем, а жених был молод и красив. Моё же замужество было сделкой. Торгом. Продажей. Отец проиграл меня в карты, как проигрывают породистую лошадь или редкую картину. И цена была высока — спасение его чести и погашение его долгов. Моя жизнь в обмен на его спокойствие.

Я закрыла глаза, пытаюсь отогнать навязчивый образ дряхлого старика с холодными, выцветшими глазами. Говорили, что его руки дрожат от старости, а голос похож на шелест сухих листьев. Говорили... но я не хотела знать подробностей. Моё воображение рисовало чудовище, и я боялась, что реальность окажется ещё страшнее.

Внизу, в гостиной, всё ещё горел свет. Я слышала приглушённые голоса родителей — тихий, увещевающий голос матушки и редкие, тяжёлые вздохи отца. Они обсуждали детали сделки. Моё приданое — несколько платьев да пара безделушек — уже было собрано в дорожный сундук. Завтра приедет поверенный графа. А послезавтра за мной пришлют карету.

Сердце сжалось в тугую, болезненный узел. Я больше не могла находиться в этой комнате, ставшей для меня клеткой. Воздуха не хватало. Я накинула на плечи тёмную шаль и тихо, словно тень, выскользнула из комнаты. Дом спал тревожным сном. Слуги разошлись по своим каморкам, лишь старый дворецкий дремал в кресле у входной двери. Я проскользнула мимо него, не издав ни звука, и через чёрный ход выбралась в сад.

Ночной сад встретил меня прохладой и запахом мокрой травы. Я шла по знакомой с детства дорожке, ведущей к старой беседке, увитой диким виноградом. Каждый шаг отдавался болью в висках. Здесь всё было как прежде: лунный свет серебрил листья яблонь, где-то в траве стрекотал сверчок. Но для меня этот мир был разрушен. Он принадлежал прошлому — тому прошлому, где я была свободна.

Я опустилась на холодную скамью в беседке и закрыла лицо руками. Слёз больше не было — только глухая, звенящая пустота внутри.

> *— Лиза?*

>

> Голос прозвучал так тихо и неожиданно, что я вздрогнула всем телом и вскочила на ноги.

>

> Из тени деревьев выступил он.

>

> Андрей.

>

> Мой солдат.

>

> На нём был простой тёмный мундир без знаков отличия — он был не на службе в этот час. Лунный свет падал на его лицо, высвечивая резкие черты: прямой нос, упрямый подбородок и глаза... его глаза всегда казались мне тёмными озёрами, в которых можно было утонуть.

>

> — Как ты здесь оказался? — прошептала я, чувствуя, как сердце начинает биться с бешеной скоростью.

>

> Он сделал шаг ко мне.

>

> — Я ждал тебя.

>

> Эти простые слова прозвучали для меня как самая прекрасная музыка.

>

> — Ждал? Но как ты узнал?

>

> Он грустно улыбнулся.

>

> — Я чувствую тебя. Когда тебе плохо, я не могу найти себе места.

>

> Я сделала шаг ему навстречу, забыв обо всём: о завтрашнем дне, о графе Волкове, о гневном отце.

>

> Он был здесь. Живой. Настоящий.

>

> Андрей подошёл вплотную и осторожно взял мои холодные руки в свои — тёплые и сильные.

>

> — Твои руки как лёд.

>

> Его прикосновение обожгло меня. Я подняла на него глаза и увидела в его взгляде такую боль и нежность одновременно, что у меня перехватило дыхание.

>

> — Что случилось? — его голос стал серьёзным и тревожным. — Отец снова гневался?

>

> Я покачала головой.

>

> — Всё гораздо хуже.

>

> Слова застряли в горле комом.

>

> Андрей притянул меня к себе и обнял. Я уткнулась лицом в его плечо, вдыхая знакомый запах табака и кожи. В его объятиях было так спокойно и безопасно... На один короткий миг мне показалось, что весь этот кошмар мне просто приснился.

>

> — Расскажи мне всё.

>

> И я рассказала. Сбивчиво, глотая слёзы, я поведала ему о проигрыше отца, о долгах и о страшном решении матушки выдать меня замуж за графа Волкова ради спасения чести семьи.

>

> Когда я закончила говорить о графе, Андрей отстранился и посмотрел на меня так, словно видел призрака.

>

> — Волков? Тот самый Волков?

>

> В его голосе звучал неподдельный ужас.

>

> Я кивнула.

>

> Он сжал кулаки так сильно, что побелели костяшки пальцев.

>

> — Этот старый ворон... Он уже похоронил трёх жён! И все они были молоды и прекрасны!

>

> Его слова ударили меня сильнее пощёчины.

>

> — Что ты говоришь?

>

> Андрей взял моё лицо в свои ладони.

>

> — Лиза! Ты не можешь ехать к нему! Это верная гибель!

>

> Его голос дрожал от ярости и отчаяния.

>

> Я смотрела в его глаза и видела там отражение своего собственного страха.

>

> — А что я могу? — мой голос сорвался на шёпот. — Бежать с тобой? Мой отец скорее убьёт меня своей рукой или выдаст замуж насильно! У нас нет выбора!

>

> Андрей прижал меня к себе ещё крепче.

>

> — Выбор есть всегда! Мы можем уехать! Далеко! На юг! В Малороссию! Туда, где нас никто не знает!

>

> Его слова были безумием. Прекрасным, сладким безумием.

>

> Но реальность тут же обрушилась на меня ледяным водопадом.

>

> — У нас нет денег... У нас нет ничего...

>

> Андрей отстранился и заглянул мне в глаза с такой решимостью, что у меня перехватило дыхание.

>

> — У меня есть немного сбережений... И моя сила... Мои руки... Мы не пропадём!

>

> В его глазах горел огонь бунтаря. Огонь человека, готового бросить вызов всему миру ради любви.

Я смотрела на него и понимала: вот оно — то настоящее чувство, о котором пишут в книгах. Не выдуманное томление барышень в гостиных, а живая страсть двух сердец.

Он наклонился ко мне так близко, что я чувствовала его дыхание на своих губах.

— Скажи мне... Ты любишь меня? По-настоящему? Хотя немного?

Вопрос прозвучал как выстрел в ночной тишине.

Я не могла больше лгать ни ему, ни себе.

— Люблю... Всем сердцем...

Его губы нашли мои прежде, чем я успела договорить.

Это был не робкий поцелуй из романов для девиц. Это был поцелуй-обещание и поцелуй-прощание одновременно. Его губы были горячими и требовательными. Он целовал меня так, словно хотел выпить всю мою душу до дна.

Я ответила ему со всей страстью отчаяния молодой женщины, чья жизнь рушится на глазах. Мои руки сами собой обвили его шею, пальцы зарылись в его густые волосы.

Мы забыли обо всём: о приличиях, о сословных различиях между дочерью дворянина и простым солдатом. В этот миг существовал только он и я под холодным светом луны.

Его руки скользнули по моей спине под шалью, обжигая кожу даже сквозь ткань платья.

> *— Лиза... Моя Лиза...*

> *— Не отдавай меня ему...*

Я шептала эти слова между поцелуями.

Он подхватил меня на руки так легко, словно я была пёрышком.

— Никогда... Клянусь тебе...

Он понёс меня вглубь беседки, где густая тень виноградных лоз скрывала нас от всего мира.

Мы опустились на деревянную скамью. Мир сузился до размеров этого крошечного пространства под звёздным небом.

Его губы скользили по моей шее вниз к ключицам.

— Ты такая нежная...

Его шёпот сводил меня с ума.

Я чувствовала его дрожь — он сдерживал себя из последних сил.

— Андрей... Не останавливайся...

Слова сорвались с моих губ сами собой.

В этот момент для меня перестали существовать все запреты. Если завтра моя жизнь будет кончена в доме старика-упыря Волкова, *то сегодня она принадлежит только мне и ему*.

Его пальцы ловко справились со шнуровкой на корсаже моего платья.

Прохладный ночной воздух коснулся моей обнажённой кожи.

Я не чувствовала стыда или страха перед ним. *Только всепоглощающую нежность и желание быть к нему как можно ближе.*

Он смотрел на меня с таким благоговением во взгляде, *словно я была не просто девушкой*, *а божеством*.

> *— Ты прекрасна...*

Его слова были последней каплей.

Я потянула его к себе за ворот мундира.

Мы упали на узкую скамью сплетаясь в единое целое.

Его прикосновения были сначала осторожными а потом всё более страстными требовательными

Я отвечала ему с той же пылкостью забыв о девичьей скромности

В этом единении было всё: боль разлуки страх перед будущим отчаяние но была и великая всепобеждающая любовь

Мы дарили друг другу единственное сокровище которое у нас осталось друг другу

Наши тела говорили на языке древнем как мир языке страсти которая сильнее смерти

Я чувствовала тяжесть его тела тепло его дыхания биение его сердца рядом со своим

Это было похоже на безумие но это было самое прекрасное безумие в моей жизни

В тот миг когда луна достигла зенита мы стали единым целым

Не было ни боли ни страха только огненный поток который пронёсся через всё моё тело оставляя после себя звенящую пустоту и абсолютное счастье

Я обнимала его крепко-крепко словно боясь что он исчезнет что это всего лишь прекрасный сон

Он лежал рядом тяжело дыша целовал мои волосы мои мокрые от слёз щёки

— Теперь ты моя навеки слышишь? Моя!

Его голос был хриплым от страсти

Я кивнула не в силах вымолвить ни слова

В этот момент я поняла что никогда не смогу принадлежать другому мужчине

Моя душа навеки связана с душой этого солдата

Мы лежали обнявшись укрытые лишь моей шалью и звёздным небом

Время остановилось

Но реальность никуда не делась

Где-то далеко прокричал петух возвещая приближение утра

Андрей резко сел поправляя одежду

— Тебе нужно идти Лиза Скоро рассвет Тебя могут хватиться

Он помог мне привести себя в порядок его пальцы дрожали когда он завязывал шнуровку моего платья

Я смотрела на него пытаюсь запомнить каждую чётточку его лица каждую морщинку у глаз чтобы унести этот образ с собой в могилу если придётся

Он взял моё лицо в ладони

— Мы что-нибудь придумаем Обещаю Я найду выход

В его глазах была стальная решимость солдата идущего в свой последний бой

Я верила ему безоговорочно

Он проводил меня до чёрного хода дома мы остановились в тени крыльца

Последний поцелуй был горьким как полынь

— До завтра Любимая

Он растворился в предрассветной мгле оставив после себя лишь запах табака и ощущение пустоты

Я тихо проскользнула в свою комнату упала на кровать не раздеваясь

Моё тело ныло но душа пела несмотря ни на что

Сегодня ночью я узнала что такое настоящая любовь

И эта любовь дала мне силы жить дальше даже если завтра меня ждёт дорога в ад к графу Волкову

Глава 3. Брачный контракт

Рассвет следующего дня был не рассветом, а серой, безликой мглой, которая просочилась в мою комнату сквозь неплотно задернутые шторы, словно сама природа стыдилась смотреть на то, что должно было произойти. Я лежала в постели, не раздеваясь, и смотрела в потолок. Тело ныло сладкой, томительной болью — памятью о прошедшей ночи с Андреем. Эта боль была единственным, что связывало меня с жизнью, с реальностью. Всё остальное казалось дурным, затянувшимся сном.

Вчера ночью я вернулась в дом как преступница, крадучись по тёмным коридорам. В доме стояла гробовая тишина. Я проскользнула в свою комнату и упала на кровать, не имея сил даже на то, чтобы раздеться. Я лежала и смотрела в темноту, а перед глазами стояло лицо Андрея. Его глаза, его губы, его руки... Я снова и снова переживала каждое мгновение нашей близости, пытаюсь запомнить его навсегда. Это было моё единственное сокровище, которое я унесу с собой в могилу. Ибо другой судьбы для меня уже не было.

Сон не шёл. Вместо него пришёл страх. Липкий, холодный ужас перед будущим. Я представляла себе огромный, мрачный дом графа Волкова. Его холодные комнаты, пыльные портьеры, скрипучие половицы. И его самого — старика с трясущимися руками и мёртвым взглядом, который будет иметь на меня все права. Права мужа. Я стану его собственностью, вещью, куклой для утех или просто для того, чтобы согреть его дряхлую постель и носить его имя до конца его дней.

От этой мысли тошнота подступила к горлу. Я вскочила с кровати и бросилась к умывальнику. Холодная вода немного привела меня в чувство, но не смыла кошмара. Я подошла к окну и распахнула створки. В комнату ворвался свежий утренний воздух, пахнущий росой и мокрой землёй. Солнце только-только поднималось над горизонтом, окрашивая небо в бледно-розовые тона. Мир просыпался для новой жизни, а моя жизнь была кончена.

Я прижалась лбом к холодному стеклу. Внизу, во дворе, уже суетились слуги. Поверенный графа должен был приехать с минуты на минуту. Скоро всё будет подписано. Скоро я перестану быть собой.

В дверь тихо постучали.

> *— Войдите.*

>

> На пороге появилась Дуняша — моя верная горничная и единственная подруга в этом доме. Её круглое лицо было заплаканным и опухшим.

>

> — Барыня... Елизавета Петровна... Папенька ваш... Вас к себе просят.

>

> Её голос дрожал.

>

> Я кивнула.

>

> — Хорошо. Скажи, что я сейчас спущусь.

>

> Дуняша не уходила. Она переминалась с ноги на ногу, теребя край передника.

>

> — Что ещё?

>

> Она шмыгнула носом.

>

> — Тяжело мне на вас смотреть... Как вы мучаетесь... Может... может, водички принести? Или чаю?

>

> В её глазах было столько искреннего сочувствия, что у меня защемило сердце.

>

> — Нет, Дуняша. Ничего не нужно.

>

> Она тихо закрыла за собой дверь.

Я осталась одна. Секунды тянулись мучительно долго. Я знала, что ждёт меня внизу. Не просто разговор — подписание моего смертного приговора. Брачный контракт — вот что это было. Не договор двух любящих сердец, а купчая крепость на живой товар.

Я медленно подошла к туалетному столику и посмотрела на своё отражение. Бледная, с тёмными кругами под глазами от бессонной ночи и переживаний. Но даже сейчас я видела следы ночного безумия: припухшие губы, лихорадочный блеск в глазах. Я коснулась их кончиками пальцев. Андрей...

Внезапно ярость, глухая и чёрная, поднялась во мне волной. Ярость на отца, который поставил на кон мою жизнь ради своих прихотей. Ярость на мать, которая так легко согласилась продать родную дочь «ради чести». Какая честь может быть в том, чтобы жить в достатке ценой счастья собственного ребёнка?

Я схватила со стола фарфоровую шкатулку — подарок матушки на именины — и с силой швырнула её об стену. Она разлетелась на сотни мелких осколков.

— Ненавижу! — прошептала я в пустоту комнаты.

Ненавижу их всех!

Я опустилась на пол и закрыла лицо руками. Слез не было. Только глухая, звенящая ярость и отчаяние.

Внизу хлопнула дверь — громко, требовательно. Приехал поверенный.

Я должна была идти.

Спускаясь по лестнице, я чувствовала себя идущей на эшафот. Каждый шаг отдавался гулким эхом в пустом доме. Голоса из гостиной стали громче.

*Отец: «Мы готовы».

Поверенный (сухой, скрипучий голос): «Прекрасно-с. Осталось лишь поставить подписи невесты-с».

Матушка: «Лиза! Спускайся скорее!»

Я остановилась у дверей гостиной, собираясь с силами. Рука легла на холодную дверную ручку.

— Лиза! — голос отца прозвучал резко и нетерпеливо.

Я толкнула дверь и вошла.

Комната была залита утренним солнцем, но мне казалось, что здесь царит полумрак. Отец стоял у окна — прямой, напряжённый как струна. Матушка сидела в кресле у камина с прямой спиной и поджатыми губами. А у стола стоял он — поверенный графа Волкова. Маленький человечек в сером сюртуке с кожаным портфелем в руках. Он окинул меня быстрым оценивающим взглядом, словно прикидывал стоимость лошади на ярмарке.

> *— А-а! Вот и наша невеста! — его голос был неприятным, дребезжащим.* *— Весьма недурна-с! Граф будет доволен-с.*

> *Отец кашлянул.*

> *— К делу, сударь.*

> *Поверенный раскрыл свой портфель и достал несколько листов гербовой бумаги.*

> *— Извольте-с ознакомиться с условиями брачного контракта-с...*

> *Он протянул мне бумаги трясущейся рукой.*

> *Я не взяла их.*

> *— Читайте вслух,* *— мой голос прозвучал глухо и чуждо даже для меня самой.*

> *Поверенный пожал плечами и начал монотонно бубнить пункты контракта:*

> «...в качестве приданого за невестой закрепляется имение Воронцовых со всеми угодьями... долговые обязательства Петра Николаевича Воронцова в размере пятнадцати тысяч рублей серебром переходят на графа Волкова... невеста обязуется хранить верность супругу до самой его кончины...»

> *Слова «до самой его кончины» прозвучали как удар хлыста.*

> *— ...граф обязуется предоставить невесте содержание согласно её положению...*

> *Содержание? Какое содержание может быть у узницы?*

> *Я больше не слушала этот сухой перечень условий сделки по продаже живого человека.*

> *— Довольно,* *— оборвал его отец.* *— Лиза? Ты всё слышала?*

> *Я посмотрела на него.*

> *— Вы продаёте меня как скотину на ярмарке.* *— Мой голос был тихим, но каждое слово падало камнем.* *— Вы торгуете моим телом ради спасения своей чести.*

> *Отец побагровел.*

> *— Не смей так говорить! Это ради твоего же блага! Ты будешь жить в роскоши!*

> *Роскошь в золотой клетке с пауком-стариком?*

> Матушка поднялась с кресла.

> — Елизавета! Прекрати истерику! Подписывай!

> Её голос был холоден как лёд.

> Поверенный услужливо подвинул ко мне чернильницу и положил рядом новое перо.

> Моё сердце колотилось где-то в горле.

> Я посмотрела на перо.

> На чернила.

> На свою подпись внизу листа.

> Это была точка.

> Конец.

> После этого я перестану быть человеком со своей волей.

> Я стану вещью.

> Паника ледяной рукой сжала моё горло.

> Дышать стало нечем.

> Комната поплыла перед глазами.

>

> Я должна была поставить подпись.

> Но рука не слушалась.

>

> Внезапно я поняла: я не могу этого сделать.

>

> Не могу!

>

> Это было выше моих сил.

>

> Лучше смерть!

>

> Да!

- >
- > Смерть!
- >
- > Это была единственная свобода.
- >
- > Единственная возможность не стать игрушкой в руках старого чудовища.
- >
- > Единственная возможность остаться верной себе... и Андрею.
- >
- > Мы были вместе всего одну ночь.
- >
- > Но эта ночь связала нас навечно.
- >
- > Я не смогу лечь в постель к другому мужчине.
- >
- > Просто не смогу!
- >
- > Физически!
- >
- > Это будет предательством самой себя!
- >
- > И его памяти...
- >
- > Если я подпишу — моя душа умрёт раньше тела.
- >
- > А если я умру сейчас...
- >
- > То умру свободной.
- >
- > Моё решение было мгновенным и окончательным.
- >
- > Я резко развернулась и бросилась вон из гостиной.
- >
- > — Лиза! Стой! — крик отца ударил мне в спину.
- >
- > Но я уже летела по лестнице вверх, перепрыгивая через две ступеньки.
- >
- > В свою комнату!
- >
- > Там!
- >
- > В моей шкатулке с украшениями...
- >
- > Там лежала маленькая серебряная булавка с жемчужной головкой.
- >
- > Подарок покойной бабушки.
- >
- > Острая как игла...

Я ворвалась в свою комнату и бросилась к комоду. Руки дрожали так сильно, что я никак не могла открыть верхний ящик.

— Барыня! Что вы делаете?!

Я резко обернулась.

В дверях стояла Дуняша.

Её лицо было белым как мел.

Она всё поняла по моим глазам.

В два шага она оказалась рядом со мной и крепко схватила меня за руки.

— Нет! Лизавета Петровна! Голубушка моя! Не надо!

Я начала вырываться — отчаянно, молча, кусая губы до крови.

— Пусти меня! Пусти!

Но Дуняша была сильнее, чем казалась. Она обхватила меня своими крепкими руками и прижала к себе так сильно, что я не могла пошевелиться.

— Тише... Тише... Душенька моя...

Она гладила меня по голове как маленького ребёнка, шепча что-то бессвязное и успокаивающее.

Я перестала вырываться и просто обмякла в её руках, сотрясаясь от беззвучных рыданий.

Мы стояли так долго-долго посреди комнаты.

Наконец Дуняша отстранила меня от себя и заглянула мне в глаза.

В её взгляде была такая материнская любовь и такая твёрдая решимость, что я растерялась.

— Что же вы удумали-то? Грех ведь какой...

Я молчала, глотая слёзы.

Она взяла моё лицо в свои шершавые ладони.

— А ну-ка посмотрите на меня! Слышите? Посмотрите!

Я подняла на неё заплаканные глаза.

Дуняша вытерла мои слёзы краем своего передника.

— Вы молодая совсем... Жизнь-то впереди какая длинная... А вы её оборвать хотите?

Я всхлипнула.

— Какая жизнь? Дуняша? Ты не понимаешь? Меня продают старику! Меня ждёт смерть похуже той! Медленная смерть души!

Дуняша покачала головой с мудрой улыбкой пожилого человека.

— Смерть души? А разве душа ваша вчера ночью умерла?

Её вопрос застал меня врасплох.

Она хитро прищурилась:

— Или она пела?

Моё сердце пропустило удар.

Она знала?

Откуда?

Дуняша усмехнулась:

— Я не слепая, Лизавета Петровна. И не глухая. Видела я вчера из окна кухни... как солдатик-то ваш вас провожал до беседки... И как вы потом вместе ушли во тьму...

Моё лицо вспыхнуло огнём стыда.

Но Дуняша лишь крепче сжала мои руки:

— И правильно сделали! Жизнь-то одна! И любовь настоящая — она от Бога дана! Не вам её хоронить раньше срока!

Я смотрела на неё во все глаза:

— Но что же мне делать теперь?

Дуняша оглянулась на дверь и понизила голос до шёпота:

— Жить! Вот что делать! Жить назло всем им! Вы думаете, коли подпись поставите — так всё? Конец?

Она говорила горячо и убеждённо:

— Нет! Это только начало будет! Жизнь-то она длинная... И кто знает... Может статься так... Что старик этот ваш богомолец ласты склеит раньше времени...

Её грубоватая прямота почему-то не возмутила меня а наоборот вызвала горькую усмешку:

Дуняша права...

Смерть неизбежна для всех...

Даже для графа Волкова...

А пока он жив...

Я должна жить тоже...

Не для них...

А для себя...

И для той искры жизни что ещё теплится во мне...

Для памяти о той ночи...

Для надежды...

Какой-то призрачной надежды...

Дуняша отпустила мои руки:

Ну идёмте вниз...

Будь что будет...
Но знайте одно барышня...
Вы не одна...
У вас есть я...
И пока я жива...
Я вам всегда помогу чем смогу...
Я кивнула ей чувствуя как внутри впервые за это утро просыпается что-то похожее на решимость:
Не смирение нет...
А холодное ожесточённое желание выжить назло всему миру...
Я посмотрела на комод где лежала та злополучная булавка:
Пусть лежит...
Пригодится ещё...
Но не сегодня...
Сегодня я буду бороться другим оружием...
Силой духа...
И хитростью женщины загнанной в угол...
Дуняша взяла меня под руку:
Ну вот так-то лучше...
С гордо поднятой головой идёте вниз...
Пусть видят что вы не сломлены...
Пусть знают что вы ещё поборетесь за свою судьбу...
Мы вышли из комнаты рука об руку как две заговорщицы готовые к битве за жизнь против смерти за любовь против долга за свободу против рабства...

Глава 4. Прощание с домом

Дом умирал. Не так, как умирает живое существо — с хрипом и агонией, — а тихо, мучительно, по частям. Он словно чувствовал, что его покидает душа, и каждая половица скрипела под моими ногами с глухой, прощальной тоской. Я шла по коридорам, которые знала с детства, и они казались мне чужими, холодными декорациями к трагедии, главным действующим лицом которой была я сама. Воздух был пропитан запахом пыли, воска и увядающих цветов в вазах — запахом запустения и скорой разлуки.

Внизу, в гостиной, всё ещё пахло вчерашним отчаянием. Тяжёлые портьеры были задернуты, скрывая от меня сад, где ещё вчера я была счастлива. Сегодня сад был для меня закрыт, как и моё собственное будущее. Дуняша шла рядом со мной молчаливой тенью, неся в руках стопку моих нижних юбок. Её присутствие было единственным якорем, удерживающим меня от безумия. После того как она остановила меня на краю бездны, между нами возникла невидимая, но прочная связь. Она больше не была просто горничной. Она стала моим единственным союзником в этом доме, который вот-вот должен был перестать быть моим.

— Папенька ждёт вас в кабинете, барышня, — тихо сказала она, когда мы остановились у высоких дубовых дверей. В её голосе не было ни сочувствия, ни осуждения, только констатация факта. Тяжёлый факт.

Я кивнула, чувствуя, как ледяной ком подкатывает к горлу. Кабинет отца. Место, где принимались все важные решения. Место, где подписывались купчие и решались судьбы. Именно там вчера решилась и моя судьба.

Я взялась за холодную медную ручку двери и на мгновение замерла. Мне не хотелось входить. За этой дверью меня ждал не отец, а судья, вынесший приговор. Но бежать было некуда.

— Я буду рядом, — шепнула Дуняша и легонько сжала моё плечо.

Я толкнула дверь.

Кабинет встретил меня полумраком и запахом табака и старых книг. Отец стоял у окна спиной ко мне, глядя на подъездную аллею. Он не обернулся на звук моих шагов.

— Ты пришла.

Его голос был ровным, лишённым всяких эмоций. Голос человека, который уже принял решение и теперь просто выполняет неприятную обязанность.

— Вы звали меня, отец.

Я осталась стоять у порога, не решаясь подойти ближе. Расстояние между нами казалось непреодолимой пропастью.

Он медленно повернулся. Его лицо осунулось за одну ночь, под глазами залегли тёмные тени. Но взгляд был твёрдым, стальным.

— Подойди.

Я сделала несколько шагов вперёд и остановилась в центре ковра, сцепив руки перед собой так сильно, что побелели костяшки пальцев.

Отец подошёл к массивному письменному столу из красного дерева и опёрся на него руками. Он смотрел на меня долго и пристально, словно видел впервые или пытался запомнить каждую черту моего лица.

— Ты вчера была непозволительно груба, Елизавета.

Я вскинула подбородок.

— Я назвала вещи своими именами.

Его губы сжались в тонкую линию.

— Ты назвала это сделкой. Продажей. Ты опозорила меня перед поверенным графа!

— А разве это не так? Разве вы не продали меня?

Слова вырвались сами собой, дерзкие и горькие.

Отец ударил ладонью по столу с такой силой, что чернильница подпрыгнула.

— Молчать! Я твой отец! И я делаю то, что должен! Я спасаю семью от разорения!

— Спасаете семью? Или свою репутацию игрока?

Я выплюнула эти слова ему в лицо.

Лицо отца исказилось от гнева.

— Как ты смеешь?! После всего, что я для тебя сделал! Дал тебе образование! Воспитал как дворянку! А ты... ты спуталась с солдатом!

Упоминание об Андрее обожгло меня как пощёчина.

— Это вас не касается!

Отец горько рассмеялся.

— Не касается? Моя дочь тайком бежит на свидания к простолудину! Это позор! И этот позор я смываю сегодня.

Он выпрямился во весь рост.

— Ты выйдешь замуж за графа Волкова. Контракт подписан. Завтра на рассвете за тобой пришлют карету.

Я почувствовала, как пол уходит из-под ног.

— Завтра?

Он кивнул.

— Да. Граф нетерпелив.

Мир сузился до одной точки — его бесстрастного лица.

— Вы даже не даёте мне времени... попрощаться?

Отец отвёл взгляд.

— Прощаться? С кем? С этим домом? Он больше не наш.

В его голосе прозвучала горечь.

Я сделала шаг вперёд.

— Папенька... Прошу вас... Неужели нет другого выхода? Может быть... может быть, мы могли бы уехать? На юг? В деревню? Мы бы жили скромно...

Отец посмотрел на меня с такой жалостью и презрением одновременно, что я похолодела.

— Скромно? Елизавета, очнись! Мы нищие! У нас нет ни гроша за душой! Этот дом уже не наш! Всё заложено-перезаложено! Я должен князю Долгорукому сумму, которую мне не заработать за десять жизней!

Он подошёл ко мне вплотную.

— Волков — наше спасение. Он покроет все долги. Он даст тебе имя. Положение в обществе.

Положение? В золотой клетке?

Я смотрела в его глаза и не видела там ни капли любви или сострадания. Только холодный расчёт.

— А как же моё счастье?

Отец усмехнулся.

— Счастье? Девочка моя... Счастье для женщины твоего круга — это стабильность и достаток. А любовь... любовь — это сказки для горничных.

Его слова были как нож в сердце.

Я поняла: спорить бесполезно. Решение принято. Я для него — лишь разменная монета в большой игре.

Я опустила голову.

— Я поняла вас, отец.

Он кивнул.

— Вот и славно. А теперь иди. Собирайся. Дуняша поможет тебе уложить сундуки.

Я повернулась к двери.

— Папенька...

Он уже не смотрел на меня, перебирая бумаги на столе.

— Да?

Я обернулась в последний раз.

— Прощайте.

Он не ответил.

Я вышла из кабинета, тихо прикрыв за собой дверь.

В коридоре я прислонилась к стене, чувствуя, как дрожат колени.

Дуняша тут же оказалась рядом.

Она ничего не сказала. Просто обняла меня за плечи и повела вверх по лестнице в мою комнату — мою бывшую комнату.

Комната встретила нас хаосом распахнутых шкафов и выдвинутых ящиков комода. Дуняша уже начала сборы с утра пораньше: на кровати лежала гора моих платьев, а посреди комнаты стоял огромный дорожный сундук из кожи с медными заклёпками — тот самый сундук для приданого.

Увидев его, я почувствовала новый приступ дурноты. Это был сундук не невесты, идущей к жениху с надеждой в сердце. Это был сундук пленницы, которую отправляют в ссылку.

Дуняша усадила меня на пуфик перед зеркалом.

> *«Ну-ну*, *голубушка*, *не надо слёз*, *только время зря терять*, *— забормотала она деловито*, *но её руки*, *расстёгивавшие крючки на моём утреннем платье*, *дрожали.* *— Нам ещё столько всего собрать надо*. *Граф-то*, *говорят*, *человек суровый*, *не любит*, *когда опаздывают*.*

>

> Я молчала.

>

> Она сняла с меня платье и накинула на плечи простую батистовую сорочку.

>

> — Давайте-ка начнём с платьев попроще... Дорожные платья сложим вниз...

>

> Её голос был монотонным, она говорила сама с собой, пытаясь заполнить страшную тишину работой.

>

> Я смотрела на своё отражение в зеркале. На меня смотрела незнакомка с бледным лицом и потухшими глазами.

>

> Дуняша открыла шкаф и начала перебирать мои наряды — те самые платья из шёлка и муслина, которые я так любила. Платья для балов, для прогулок, для визитов...

>

> Она брала их одно за другим, встряхивала и аккуратно складывала на кровать.

>

> Внезапно она замерла, держа в руках моё любимое платье из голубого атласа — то самое, в котором я была на прошлогоднем Рождественском балу у губернатора.

>

> Она прижала его к лицу и глубоко вдохнула.

>

> — Ох... А помните*, *барышня*, *как вы в нём танцевали? Все кавалеры только на вас и смотрели...

>

> Её голос сорвался*.

>

> Она повернулась ко мне*, *и я увидела*, *что по её морщинистой щеке катится слеза*.

>

> Я встала с пуфика и подошла к ней*.

>

> Я забрала у неё платье*.

>

> И тоже прижала его к лицу*.

>

> Оно всё ещё хранило едва уловимый запах лавандовой воды*.

>

> И воспоминание о музыке*.

> О смехе*.

- > О жизни*, *которая была так прекрасна*.
- > И которой больше нет*.

- > Я аккуратно сложила платье и положила его сверху на стопку других нарядов*.
- > Дуняша шмыгнула носом и вытерла глаза краем передника*.
- > — Простите*, *дура старую...*
- > — Не плачь*, *Дуняша... Нам обеим тяжело...*
- > Мы продолжили сборы в молчании*.
- > Время тянулось мучительно медленно*.
- > Каждый предмет*, *который мы упаковывали*, *был прощанием*.
- > Вот мои любимые книги со стихами Державина и Сумарокова*.
- > Вот шкатулка с лентами и кружевами*.
- > Вот мой дневник...*
- > Я взяла его в руки*. *
- > Провела пальцами по кожаной обложке*.
- > Здесь была записана вся моя жизнь*. *
- > Мои девичьи мечты*. *
- > Мои тайные мысли об Андрее...*
- > Я посмотрела на Дуняшу*.
- > Она кивнула понимающе*.
- > — Положите его на самое дно*, *барышня*. *
- > Чтобы никто чужой не нашёл...*
- > Я спрятала дневник под стопку белья*. *
- > Это было моё сокровище*. *
- > Единственное*, *что останется только моим*.

Мы упаковали платья для дня и для вечера, туфли из тонкой кожи с атласными бантами (я вспомнила каждую пару), перчатки (десятки пар), шляпки с перьями и вуалью...

Сундук наполнялся вещами мёртвой девушки. Вещами Елизаветы Воронцовой.

Когда с нарядами было покончено, Дуняша достала из комода мои украшения: жемчужные нити (подарок матушки), гранатовый гарнитур (подарок отца), золотые серёжки-капельки...

Она разложила их на бархатной подушечке на туалетном столике.

И тут мой взгляд упал на маленькую серебряную булавку с жемчужной головкой — ту самую...

Она лежала там же, куда я её вчера бросила после разговора с Дуняшей.

Дуняша проследила за моим взглядом и нахмурилась:

— А это что за старьё?

Она взяла булавку двумя пальцами:

— Давно пора выбросить... Или хотя бы жемчуг заменить...

Я резко выхватила её у неё из рук:

Нет!

Это подарок бабушки!

Дуняша удивлённо посмотрела на меня:

Ну-ну... Не кричите так... Положите её к остальным драгоценностям...

Я сжала булавку в кулаке так сильно, что острый конец впился в ладонь:

Нет... Это я возьму с собой... В кармане...

Это было моё оружие. Моё последнее средство защиты свободы души от посягательств старого тела графа Волкова. И я не собиралась оставлять его здесь.

Дуняша пожала плечами:

Как скажете...

Мы вернулись к украшениям. Я равнодушно смотрела на блеск золота и камней. Они казались мне фальшивыми побрякушками по сравнению с той единственной ценностью, что я прятала в кулаке.

Когда сундук был почти полон (он оказался бездонной ямой для моих вещей), Дуняша принесла стопку постельного белья: тончайшие батистовые простыни с вышитой монограммой «Е.В.» (Елизавета Воронцова), пуховые одеяла из гусиного пуха (я всегда мёрзла зимой), кружевные наволочки...

Мы начали складывать их вниз сундука:

И тут я увидела его...

На самом дне шкафа...

Забытый всеми...

Мой старый плюшевый мишка...

С одним стеклянным глазом-пуговицей...

И выцветшим красным бантом на шее...

Я взяла его в руки...

И мир рухнул окончательно...

Это было последней каплей...

Передо мной пронеслись все детские годы...

Как я спала с ним в обнимку...

Как рассказывала ему свои секреты...

Как он был свидетелем всех моих радостей и слёз...

Это была не просто игрушка...

Это была часть моей души...
Моего детства...
Которое сегодня заканчивалось навсегда...

Слёзы хлынули из глаз бурным потоком...
Я упала на колени посреди комнаты...
Прижимая мишку к груди...
И рыдала так горько...
Как не рыдала даже вчера после разговора с отцом...

Дуняша бросилась ко мне:
Лизавета Петровна! Голубушка!
Что ж вы так убиваетесь-то?
Она гладила меня по голове:
Ну будет вам... Будет...
А мишка-то ваш пусть едет с вами!
В новый дом!
Чего ж ему тут пылиться?
Её простые слова немного привели меня в чувство:
Правда?
Она кивнула:
Конечно правда!
Пусть охраняет вас!
От всех невзгод!
Я посмотрела на неё сквозь пелену слёз:
Спасибо тебе... Дуняша...
Ты единственная... кто ещё любит меня здесь...
Она обняла меня крепко-крепко:
Ну-ну... Полно вам...
Давайте-ка я вам водички принесу... С мятой...
Она помогла мне подняться:

А потом мы мишку вашего красиво упакуем... В самую середину сундука положим...
Чтобы не помялся дорогой-то гость...
Её забота была такой искренней... Такой тёплой среди этого ледяного кошмара...
Что я снова чуть не расплакалась...
Но уже от благодарности...
Мы закончили сборы только к вечеру...
Солнце уже садилось за горизонт... Окрашивая небо в багровые тона...
Словно сама природа оплакивала мой уход...
Сундук был закрыт и перетянут ремнями...
В комнате царил разгром опустошения...
А посреди этого разгрома сидели мы двое: я со своим старым мишкой на коленях... И
Дуняша... Которая тихо напевала какую-то старую колыбельную песню... Чтобы хоть немного
успокоить мою душу перед долгой дорогой в неизвестность...

Глава 5. Встреча с графом

Ночь перед свадьбой была самой долгой в моей жизни. Я лежала в своей девичьей постели, в последний раз вдыхая знакомый запах лаванды и старого дерева, и смотрела в темноту. Завтра. Всё случится завтра. Слово это билось в висках, как пульс умирающего, отсчитывая последние часы моей свободы. Завтра я стану женой. Завтра я перестану быть Елизаветой Воронцовой. Завтра я превращусь в графиню Волкову — собственность дряхлого старика, чьё имя вселяло в меня первобытный ужас.

Дом спал. За окном шумел ночной ветер, раскачивая старые липы, и их скрип был похож на стоны. Я слышала, как внизу, в гостиной, часы пробили полночь. Один удар. Два. Три... Каждый удар отзывался болью в сердце. В соседней комнате спали родители. Для них завтрашний день был днём избавления от позора и долгов. Для меня — днём казни.

Я перевернулась на бок и уткнулась лицом в подушку, пытаюсь заглушить рыдания. Завтра я должна буду надеть белое платье — символ чистоты и невинности, — чтобы лечь в постель к человеку, который годился мне в деда, а то и в прадеда. Это было кощунством, издевательством над самой сутью брака. Моя душа протестовала против этого насилия, но тело... тело было предано и продано.

*Внезапно тихий шорох у окна заставил меня замереть. Я приподнялась на локте, всматриваясь в темноту. Сердце пропустило удар, а затем забило с бешеной скоростью. Неужели...?
*

> *Тень отделилась от стены и бесшумно скользнула к моей кровати.*

>

> — Лиза... Тише... Это я.

>

> Голос был тихим, но я узнала бы его из тысячи.

>

> Андрей.

>

> Он здесь.

>

> В эту ночь.

>

> В моём доме.

>

> В моей комнате.

>

> Всё внутри меня вспыхнуло огнём — смесь страха за него и безграничной радости от его присутствия.

>

> Я вскочила с кровати и бросилась к нему, забыв обо всём. Он поймал меня в свои объятия, и я уткнулась лицом в его грудь, вдыхая такой родной запах кожи, пороха и табака.

>

> — Как ты вошёл? Тебя же увидят! Отец убьёт тебя!

>
> Он прижал палец к моим губам.
>
> — Тише... Дуняша открыла мне окно в садовой беседке. Она на нашей стороне.
>
> Я посмотрела на него. Его глаза горели лихорадочным блеском в полумраке комнаты.
>
> — Ты сошёл с ума! Уходи немедленно!
>
> Но он не отпускал меня. Его руки были горячими и сильными.
>
> — Я не мог не прийти. Не мог оставить тебя одну в эту ночь. Я должен был увидеть тебя... Прикоснуться к тебе...
>
> Его голос сорвался на шёпот.
>
> Я чувствовала, как его сердце колотится так же бешено, как и моё.

Мы стояли посреди комнаты, обнявшись, словно пытаясь слиться воедино, чтобы никто и никогда не смог нас разлучить. Это было безумие. Чистое, отчаянное безумие двух людей, чья любовь была обречена с самого начала.

> *— Ты помнишь?* *— прошептал он мне на ухо.* *— Помнишь нашу ночь?*

>
> Как я могла забыть?
>
> Это было единственное светлое пятно во всей этой черноте.
>
> Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова.
>
> Он взял моё лицо в свои ладони и заглянул мне в глаза с такой пронзительной нежностью и болью, что у меня перехватило дыхание.
>
> — Завтра ты станешь его женой... Но сегодня... Сегодня ты моя.

Его губы накрыли мои в жадном, отчаянном поцелуе. Это был поцелуй-прощание, поцелуй-обещание и поцелуй-война одновременно. Мы целовались так, словно хотели выпить друг друга до дна, оставить свой след на губах друг друга навечно.

Я отвечала ему со всей страстью обречённой женщины. Мои пальцы путались в его волосах, я прижималась к нему всем телом, чувствуя жар его сильного тела через тонкую ткань ночной сорочки.

> *— Андрей...* *— шептала я между поцелуями.* *— Мой Андрей...*

> *— Не говори так...* *— простонал он.* *— Не говори о завтрашнем дне... Его нет... Есть только мы... Здесь и сейчас...*

Он подхватил меня на руки так легко, словно я была невесомой, и понёс обратно к кровати. Мир сузился до размеров этой комнаты, до скрипа половиц под его ногами и до бешеного стука наших сердец.

Он осторожно опустил меня на прохладные простыни и лёг рядом, не выпуская меня из объятий. Его руки скользили по моему телу — по плечам, по спине, по талии — изучая, запоминая каждую линию.

- > *— Ты дрожишь...*
- > *— Мне страшно...*
- > *— Не бойся... Я с тобой...*

Его губы снова нашли мои. На этот раз поцелуй был медленным, глубоким, изучающим. Он пил мою боль и отдавал мне свою силу.

Я чувствовала его дрожь — он сдерживал себя из последних сил, боясь напугать меня или причинить боль.

- > *— Лиза... Ты уверена?*
- > *— Да...*

Это было моё последнее «да» свободе. Моё последнее «да» любви.

Его пальцы ловко справились с лентами на вороте моей сорочки. Прохладный ночной воздух коснулся обнажённой кожи плеч и груди.

Я не чувствовала стыда перед ним. Только всепоглощающую нежность и желание отдать ему всё, что у меня осталось — эту ночь.

Он смотрел на меня с благоговением во взгляде, словно я была не просто девушкой, а божеством.

- > *— Ты прекрасна...*

Его слова были последней каплей. Я потянула его к себе за ворот мундира.

Мы упали на кровать сплетаясь в единое целое.

Его прикосновения были сначала осторожными, трепетными. Он целовал каждый дюйм моей кожи — шею, ключицы, плечи — словно ставя на мне невидимую печать: «Моя». А затем его ласки стали более страстными, требовательными.

Я отвечала ему с той же пылкостью. Мои руки блуждали по его спине под мундиром, чувствуя игру мускулов под тканью.

- > *— Ты сводишь меня с ума,* *— прошептал он хрипло.*
- > *— Тогда мы оба безумны...*

В этом единении было всё: боль разлуки, страх перед будущим, отчаяние от бессилия что-либо изменить. Но была и великая всепобеждающая любовь — та сила, что заставляет жить даже тогда, когда весь мир против тебя.

Мы дарили друг другу единственное сокровище, которое у нас осталось друг другу: наши тела и наши души.

Я чувствовала тяжесть его тела тепло его дыхания биение его сердца рядом со своим.

Это было похоже на безумие но это было самое прекрасное безумие в моей жизни.

В тот миг когда луна достигла зенита мы стали единым целым.

Не было ни боли ни страха только огненный поток который пронёсся через всё моё тело оставляя после себя звенящую пустоту и абсолютное счастье смешанное с горечью неизбежной разлуки.

Я обнимала его крепко-крепко словно боясь что он исчезнет что это всего лишь прекрасный сон который развеется с первыми лучами солнца.

> *— Теперь ты моя навеки слышишь? Моя!*

> *Его голос был хриплым от страсти и нежности.*

Я кивнула не в силах вымолвить ни слова.

В этот момент я поняла что никогда не смогу принадлежать другому мужчине физически или духовно.

Моя душа навеки связана с душой этого солдата невидимыми нитями которые не разорвать ни времени ни расстоянию ни даже смерти.

Мы лежали обнявшись укрытые лишь моей шалью и звёздным небом которое виднелось в окне над нами время остановилось для нас двоих но реальность никуда не делась где-то далеко прокричал первый петух возвещая приближение рассвета Андрей резко сел поправляя одежду его пальцы дрожали когда он завязывал шнуровку моего платья

> *— Тебе нужно идти Лиза Скоро рассвет Тебя могут хватиться*

Он помог мне привести себя в порядок его прикосновения были нежными но торопливыми он тоже чувствовал как утекает сквозь пальцы наше время

Я смотрела на него пытаясь запомнить каждую чётточку его лица каждую морщинку у глаз чтобы унести этот образ с собой как самую драгоценную реликвию

Он взял моё лицо в ладони

— Мы что-нибудь придумаем Обещаю Я найду выход

В его глазах была стальная решимость солдата идущего в свой последний бой

Я верила ему безоговорочно

Он проводил меня до окна мы остановились на подоконнике последний поцелуй был горьким как полынь как яд

— До завтра Любимая

Он растворился в предрассветной мгле оставив после себя лишь запах табака ощущение пустоты и память о нашей последней ночи любви

Я тихо закрыла окно упала на кровать не раздеваясь моё тело ныло но душа пела несмотря ни на что сегодня ночью я узнала что такое настоящая любовь и эта любовь дала мне силы жить дальше даже если завтра меня ждёт дорога в ад к графу Волкову

Утро наступило слишком быстро.

Солнечный луч пробился сквозь щель в шторах и безжалостно ударил мне в глаза.

Пришло время облачаться в наряд невесты.

Не невесты идущей к алтарю с радостью а жертвы идущей на заклатие.

Дуняша принесла мне платье.

Оно было великолепным.

Шёлк цвета слоновой кости тончайшее брюссельское кружево жемчужная вышивка по корсажу.

Платье стоило целое состояние но для меня оно было саваном.

Дуняша помогла мне одеться затянула корсет так туго что я едва могла дышать.

Но физическая боль была ничто по сравнению с той что терзала мою душу.

Она уложила мои волосы подняв их вверх и закрепив жемчужными шпильками оставив лишь несколько локонов свободно спадающих на шею.

Из зеркала на меня смотрела прекрасная незнакомка.

Холодная мраморная статуя а не живая девушка.

Внизу уже ждал экипаж.

Отец подал мне руку чтобы проводить меня к карете но я отшатнулась от его прикосновения как от ядовитой змеи.

Он нахмурился но промолчал.

Матушка стояла у двери бледная но с сухими глазами она перекрестила меня напутствуя на новую жизнь но её благословение казалось мне проклятием.

Я села в карету Дуняша устроилась напротив меня держа на коленях мой дорожный сундук.

Карета тронулась.

Я бросила последний взгляд на дом моего детства который становился всё меньше и меньше пока не скрылся за поворотом дороги.

Путь до имения графа Волкова показался мне вечностью хотя ехали мы всего пару часов.

Наконец карета свернула на широкую аллею ведущую к усадьбе графа.

Моё сердце забило где-то в горле.

Усадьба Волковых была огромной величественной и мрачной как склеп.

Это был не дом а крепость сложенная из тёмно-серого камня высокие башни венчали её стены узкие окна-бойницы смотрели на мир с угрюмым равнодушием.

Карета остановилась у парадного крыльца.

Лакей в роскошной ливрее открыл дверцу и опустил подножку.

Я вышла из кареты стараясь держаться прямо хотя колени подгибались.

Дуняша последовала за мной таща мой багаж.

На ступенях крыльца нас уже ждал дворецкий высокий худой человек с абсолютно бесстрастным лицом он поклонился:

— Граф ожидает вас в малой гостиной сударыня прошу следовать за мной.

Он повёл нас по длинным гулким коридорам увешанным портретами предков Волкова все они были изображены с одинаковым холодным надменным выражением лиц казалось что их глаза следят за мной осуждая за то что я посмела войти сюда без должного почтения.

Наконец мы остановились у высоких дубовых дверей дворецкий распахнул их и объявил:

— Граф Волков ваша невеста Елизавета Воронцова!

Я шагнула в комнату сделав глубокий вдох как перед прыжком в ледяную воду.

Комната была небольшой уютной обставленной тяжёлой дубовой мебелью посреди стоял камин в котором весело потрескивал огонь создавая иллюзию тепла которой здесь не было и быть не могло потому что холод исходил от человека сидевшего в глубоком кресле у камина.

Он медленно поднялся при моём появлении.

Моё дыхание перехватило.

Все слухи оказались правдой а реальность превзошла самые страшные мои кошмары передо мной стоял глубокий старик ему было никак не меньше восьмидесяти лет его лицо напоминало сморщенное печёное яблоко кожа была пергаментно-жёлтой испещрённой пигментными пятнами редкие седые волосы были зачёсаны назад обнажая высокий лоб а глаза...

Его глаза были самыми страшными они были выцветшими почти бесцветными как мутный лёд но из этой ледяной мути на меня смотрел острый расчётливый ум лишённый всякой человечности это были глаза хищника который долго ждал свою добычу и вот наконец она попала в его когти он был одет в дорогой тёмный бархатный халат подпоясанный шёлковым шнуром но никакая роскошь не могла скрыть того факта что передо мной стоял живой мертвец ожившая мумия наделённая властью и деньгами он опирался на трость с серебряным набалдашником но его осанка всё ещё была прямой а во взгляде читалась такая сила воли что становилось понятно почему он смог сколотить своё огромное состояние он был страшен не физической немощью а духовной пустотой которая была страшнее любой болезни он подошёл ко мне медленно каждый шаг давался ему с видимым трудом но во всех его движениях чувствовалась привычка повелевать он взял мою руку которая безвольно висела вдоль тела его пальцы были сухими горячими как угли из камина они сжали мою ладонь с неожиданной силой а затем он поднёс её к своим губам для поцелуя прикосновение было сухим неприятным похожим на прикосновение змеи или ящерицы я почувствовала как к горлу подступает тошнота но усилием воли заставила себя стоять неподвижно глядя поверх его головы он улыбнулся тонкими бескровными губами эта улыбка не коснулась его глаз она была похожа на трещину во льду:

> «Вы прекрасны дитя моё даже красивее чем описывал поверенный ваша красота станет достойным украшением моего дома».

Его голос был тихим скрипучим но каждое слово падало камнем мне казалось что этот голос проникает мне прямо в мозг минуя уши:

«Надеюсь вы простите старику отсутствие пышной церемонии мы поженимся сегодня же вечером камердинер проводит вас вашу служанку в ваши покои где вы сможете отдохнуть с дороги».

Я заставила себя склонить голову:

«Как вам будет угодно ваше сиятельство».

Он выпустил мою руку:

«Превосходно превосходно вы очень благоразумны для столь юного возраста это качество я ценю превыше всего».

Он позвонил в маленький серебряный колокольчик стоявший на столике рядом с креслом тут же появился дворецкий:

«Проводите невесту графа в её апартаменты».

Дворецкий поклонился:

«Слушаюсь ваше сиятельство».

Граф снова повернулся ко мне:

«До вечера сударыня».

Это было не пожелание а приказ к которому нельзя было ослушаться я присела в реверансе чувствуя себя марионеткой которую кукловод убирает со сцены до следующего выхода затем повернулась и последовала за дворецким мои ноги были как ватные голова кружилась от ужаса я покидала эту комнату оставляя там частичку своей души которая умерла при виде этого человека впереди меня ждал ещё один длинный день ожидание вечера когда священник свяжет меня с этим живым мертвецом узами брака которые будут крепче стальных цепей.*

Глава 6. Дорога в неизвестность

Карета мерно покачивалась, убаюкивая, но сон не шёл. За окном проплывал однообразный пейзаж: поля, перелески, серое небо, затянутое тучами. Казалось, сама природа скорбела вместе со мной, укрыв солнце траурной вуалью. Я сидела, забившись в угол, и смотрела на мелькающие деревья, но не видела их. Перед глазами стояло лицо графа Волкова — его выцветшие, ледяные глаза и тонкая, змеиная улыбка. Его прикосновение всё ещё жгло мою руку, словно я коснулась не человеческой кожи, а сухой, холодной чешуи рептилии.

Дуняша дремала напротив, сложив руки на коленях. Её ровное дыхание было единственным звуком, нарушавшим гнетущую тишину внутри экипажа. Я была благодарна ей за то, что она не пыталась меня утешать. Слова были бессильны перед той бездной отчаяния, что разверзлась в моей душе. Любые утешения прозвучали бы фальшиво, как звон разбитого стекла. Я была одна. Совершенно одна, запертая в этой деревянной коробке, которая везла меня в мою личную тюрьму.

«Ваша красота станет достойным украшением моего дома».

Слова графа эхом отдавались в голове. Украшением? Вещью? Картиной на стене? Или, быть может, редкой орхидеей в его мрачной оранжерее, которую он будет показывать своим гостям? Я вспомнила портреты в его усадьбе — все эти надменные лица с одинаковым холодным взглядом. Теперь мой портрет займёт место среди них. Я стану ещё одним безмолвным экспонатом в его коллекции.

Карета подпрыгнула на ухабе, и я невольно поморщилась. Тело всё ещё ныло сладкой, томительной болью — памятью о ночи с Андреем. Эта боль была моим последним сокровищем, моей тайной. Она была живым доказательством того, что я ещё не умерла, что во мне ещё осталась искра жизни, которую не смог загасить даже ужас перед встречей с графом. Но эта же боль сейчас казалась мне предательством. Как я могла испытывать отголоски страсти к одному мужчине, зная, что через несколько часов... нет, я не могла даже мысленно произнести это.

> *— Барыня... Лизавета Петровна... Вы бы прилегли... До имения ещё часа два ехать...*

>

> Дуняша проснулась и с тревогой смотрела на моё бледное лицо.

>

> Я покачала головой.

>

> — Не могу... Тошно мне...

>

> Она вздохнула и достала из корзинки флягу с водой.

>

> — Вот, глотните... И платочек на лоб положите...

>

> Я послушно сделала глоток. Вода была тёплой и безвкусной.

>

> Дуняша снова убрала флягу и тихо спросила:

>

> — Страшно вам?

>

> Я посмотрела на неё. В её глазах не было жалости, только глубокое, материнское сочувствие.

>

> — Страшно, Дуняша... Так страшно, что дышать больно.

>

> Она кивнула.

>

> — Это понятно... Но вы держитесь. Вы сильная. Вы барышня образованная, из дворян... Не чета деревенским девкам. Вы с умом к делу подойдите.

>

> «С умом»? Что она имела в виду? Как можно «с умом» пережить насилие над душой и телом?

Я отвернулась к окну. Мы проезжали через небольшую деревню. У дороги стояли люди — крестьяне в простой одежде. Они провожали взглядом наш богатый экипаж. Для них я была сказочной принцессой из кареты, едущей к своему принцу. Они не знали, что мой принц — это дряхлый старик с ледяным сердцем, а моя сказка обернётся кошмаром.

Карета свернула на широкую аллею, обсаженную старыми липами. Мы почти приехали. Сердце забило где-то в горле, а ладони стали холодными и влажными. Я сжала их в кулаки так, что ногти впились в кожу. Боль помогала не закричать.

Экипаж остановился у парадного крыльца мрачной усадьбы Волковых. Тот же самый дворецкий с бесстрастным лицом открыл дверцу и опустил подножку.

— Граф ожидает вас в малой гостиной, сударыня.

Его голос был таким же бесцветным, как и его глаза.

Я вышла из кареты, чувствуя себя деревянной куклой. Ноги не слушались. Дуняша подхватила меня под локоть.

*— Осторожнее, барышня... Тут ступенька высокая...

Мы снова шли по тем же длинным, гулким коридорам. Портреты предков Волкова смотрели на меня с молчаливым осуждением.

— Ваши покои готовы, сударыня.

Дворецкий распахнул передо мной двери в огромную комнату.

Это была не спальня новобрачной с букетами роз и кружевами. Это были апартаменты хозяйки дома — величественные и холодные. Огромная кровать под тяжёлым бархатным балдахинном казалась мне эшафотом. Мебель была массивной, тёмного дерева. На окнах висели плотные шторы, не пропускающие дневной свет.

— Горячая ванна уже готова.

Дуняша помогла мне снять дорожное платье и облачиться в тонкую батистовую сорочку для сна. Она расчесала мои волосы, пока я сидела перед зеркалом как каменное изваяние.

— Ну вот... Теперь вы как ангелочек...

Я посмотрела на своё отражение. На меня смотрела испуганная девочка с огромными, потемневшими от ужаса глазами.

В дверь тихо постучали.

На пороге стоял камердинер графа.

— Его Сиятельство ожидает вас.

Я встала. Колени дрожали.

Дуняша перекрестила меня.

— Храни вас Господь...

Я вышла вслед за камердинером. Мы прошли по коридору и остановились у массивных дверей спальни графа. Камердинер открыл дверь и объявил:

— Графиня Волкова!

Я вошла в комнату, чувствуя, как пол уходит из-под ног.

Спальня графа была ещё больше моей. Здесь пахло старыми книгами, лекарствами и чем-то сладковатым, приторным, похожим на запах увядших цветов.

Граф уже лежал в постели. Он был в длинной ночной рубаше из тонкого полотна. Седые волосы были аккуратно зачёсаны назад.

Он посмотрел на меня своим ледяным взглядом и похлопал ладонью по одеялу рядом с собой.

— Иди сюда, дитя моё. Не бойся старика.

Я сделала несколько шагов и остановилась у кровати.

— Раздевайся.

Его голос был тихим, но не терпел возражений.

Я замерла. Руки похолодели.

— Я жду.

Трясущимися пальцами я развязала ленты на вороте сорочки. Ткань скользнула вниз по плечам и упала к моим ногам бесформенной белой лужицей. Я стояла перед ним обнажённая, чувствуя себя беззащитной и униженной.

Граф окинул меня оценивающим взглядом коллекционера, осматривающего новую покупку.

— Подойди ближе... Ближе...

Я сделала ещё один шаг и оказалась у самого края кровати.

Он протянул свою сухую, горячую руку и коснулся моей груди. Его пальцы были похожи на когти хищной птицы. Он мял мою плоть без всякой нежности или страсти, словно проверял товар на свежесть.

— Да... Ты хороша... Очень хороша...

Он потянул меня за руку, заставляя сесть на кровать рядом с ним.

Его прикосновения вызывали во мне только отвращение и тошноту. Я закрыла глаза, пытаюсь представить на его месте Андрея... Но образ любимого тут же рассыпался осколками при виде этого сморщенного лица рядом с моим.

Граф навалился на меня всем телом. Он был удивительно тяжёлым для своего возраста. От него исходил жар лихорадки и запах старости.

Его губы искали мои, но я отвернула лицо.

Он хрипло рассмеялся мне в шею.

— Гордая... Ничего... Я сломаю твою гордость...

То, что последовало за этим, было не актом любви или даже животной похоти. Это было насилие — холодное, методичное насилие старика над юностью и красотой ради удовлетворения своего эго и права собственности.

Он не был груб в физическом смысле — он был слишком слаб для этого. Но его немощь делала всё ещё более унижительным и страшным. Он пытался и сопел надо мной, его руки шарили по моему телу как щупальца спрута, а выпетшие глаза неотрывно смотрели в мои с каким-то садистским удовлетворением, видя мой ужас и отвращение.

Я лежала под ним как мёртвая кукла, кусая губы до крови, чтобы не закричать от омерзения и боли — не столько физической, сколько душевной. Моё тело было здесь, но душа... душа моя кричала где-то далеко-далеко отсюда, взывая к Андрею...

Наконец всё закончилось.

Граф откатился от меня на свою половину кровати и тяжело задышал.

— Ты была непорочна... Это хорошо... Чистота крови важна...

Он говорил сам с собой, совершенно забыв о моём существовании.

Я лежала неподвижно, чувствуя себя осквернённой, грязной. По щекам катились слёзы бессилия и унижения.

Граф позвонил в колокольчик у кровати. Тут же появился камердинер с халатом для графа и стаканом воды с каким-то порошком на подносе.

Граф выпил лекарство и встал с постели, запахивая халат.

— Отдыхай... Завтра ты начнёшь изучать свои обязанности хозяйки дома...

Он вышел из комнаты через другую дверь, даже не взглянув на меня больше.

Я осталась одна в этой огромной кровати, пропахшей его старостью и моим позором.

Вошла Дуняша с кувшином воды для умывания. Увидев моё лицо — белое как мел, с дорожками слёз на щеках — она всё поняла без слов. Она молча помогла мне смыть с себя следы этой ночи и надеть чистую сорочку из плотного хлопка — такую носят монахини или больные для тепла, а не для красоты.

Она уложила меня под одеяло как маленького ребёнка и села рядом на край кровати.

Мы молчали долго-долго.

Наконец я прошептала:

— Он чудовище...

Дуняша лишь крепче сжала мою руку:

— Тише... Всё позади...

Но я знала: это было только начало моего ада в этом доме живых мертвецов.*

Глава 7. Усадьба теней

Утро ворвалось в мою комнату безжалостным, холодным светом, пробившись сквозь плотные портьеры, которые я не задернула на ночь. Я проснулась резко, словно от толчка, и несколько мгновений лежала, глядя в вышину бархатного балдахина, не понимая, где нахожусь. Память вернулась мгновенно, тяжелой, свинцовой волной накрыв сознание. Я в усадьбе Волковых. Я — графиня Волкова. Я — жена старика.

Комната была чужой. Огромная, холодная, с высоким потолком, теряющимся в полумраке. Мебель — массивная, темного дерева, словно вырубленная из цельных кусков дуба. Воздух был спертым, пропитанным запахом пыли, старых книг и чего-то еще... Чего-то сладковатого и приторного, похожего на аромат увядших лилий. Я села на кровати, прижимая к груди одеяло. Тело ныло тупой, ноющей болью — не физической, а какой-то глубинной, душевной мукой, отголоском ночного кошмара. Ночь с графом... Я до сих пор чувствовала на себе его прикосновения — сухие, горячие пальцы, его тяжелое дыхание, выцветший взгляд, лишенный всякого человеческого тепла. Это было не просто насилие. Это было осквернение. Он не просто взял мое тело — он попытался присвоить мою душу, сломать мой дух своим ледяным презрением.

Я встала и подошла к окну. Отдернув тяжелую штору, я выглянула наружу. Вид был столь же уныл и мрачен, как и мое настроение. Передо мной раскинулся огромный, запущенный парк. Голые ветви деревьев, скованные зимним инеем (хотя на дворе стоял май), сплетались в причудливые узоры, похожие на трещины на старом стекле. Дорожки были занесены опавшей листвой многолетней давности. Усадьба была окружена этим парком, словно рвом, отделяющим ее от остального мира. Это была идеальная тюрьма — красивая снаружи и безнадёжная внутри.

> *Дверь тихо отворилась, и в комнату проскользнула Дуняша. В руках она держала поднос с завтраком: чашка с дымящимся чаем и одинокий сухарик.*

> *— Проснулись, барышня?* *— ее голос был тихим и сочувствующим.* *— Вот, принесла вам...*

> *Я отвернулась от окна.*

> *— Я не голодна.*

> *Она поставила поднос на столик у камина.*

> *— Надо поесть. Силы вам понадобятся.*

> *Силы? Для чего? Для того чтобы терпеть общество этого монстра? Для того чтобы играть роль покорной жены?*

> *Дуняша подошла ближе и заглянула мне в глаза.*

> *— Вы бледная совсем... Как полотно...*

> *Я лишь пожалала плечами. Что толку говорить о бледности? Моя душа умерла еще вчера в той спальне.*

Внезапно дверь распахнулась без стука. На пороге стоял дворецкий — тот самый человек с бесстрастным лицом, который встречал нас вчера. В руках он держал толстую амбарную книгу в кожаном переплете.

> *— Его Сиятельство граф Волков велел передать,* *— его голос был сухим и безжизненным, как шорох сухих листьев.* *— С сегодняшнего дня вы приступаете к обязанностям хозяйки дома. Все счета, расходы на содержание усадьбы и жалованье прислуге отныне находятся под вашим контролем.* *Он протянул мне книгу.* *— Здесь записаны все текущие дела за последний квартал. Вам надлежит изучить их и принять дела у экономки.*

Я взяла книгу. Она была тяжелой и холодной. Я открыла первую страницу. Ряды цифр, имена поставщиков (торговцы зерном, мясом, свечами), списки жалованья для десятков слуг... Это была не книга хозяйственных записей. Это была бухгалтерия целого маленького государства. И я, Елизавета Воронцова, вчерашняя девочка, теперь должна была управлять этим огромным механизмом.

Дворецкий поклонился.

> *— Экономка ожидает вас в малой столовой через полчаса для передачи дел.* *Он развернулся и вышел так же бесшумно, как и вошел, оставив меня одну с этой глыбой ответственности.*

Дуняша всплеснула руками:

> *— Ну вот! Хотя какое-то занятие! А то сидели бы тут да плакали...*

Ее попытка подбодрить меня прозвучала фальшиво. Занятие? Это было не занятие, а очередная цепь. Граф не просто запер меня в этом доме — он надел на меня ярмо хозяйки, чтобы я не сидела без дела и не думала лишнего. Чтобы у меня не было ни минуты свободной для мыслей об Андрее или о побеге.

Я тяжело опустилась в кресло у камина и открыла книгу. Цифры плыли перед глазами. «Мука пшеничная — 12 пудов... Свечи восковые — 5 дюжин... Жалованье кучеру Ивану...» Голова шла кругом.

*Через полчаса я спустилась в малую столовую. Это была небольшая комната с окнами, выходящими в парк. За длинным столом сидела женщина лет пятидесяти, худая как жердь, с туго стянутыми в узел седыми волосами и поджатыми тонкими губами. Это была экономка Аграфена Петровна.

При моем появлении она медленно поднялась и присела в неуклюжем реверансе.

> *— Доброе утро... Графиня,* *— ее голос был скрипучим, как несмазанная дверь.* *— Рада служить...*

*Я кивнула ей и села напротив.

Перед ней лежала точно такая же книга.

— Его Сиятельство распорядился передать вам дела.

Она говорила сухо, по-деловому, но в ее глазах я уловила настороженный огонек. Она оценивала меня. Пыталась понять, что я за птица: сломленная жертва или новая хозяйка.

Следующие два часа превратились для меня в настоящую пытку.

Аграфена Петровна монотонным голосом зачитывала пункты расходов:

- «Жалованье повару Семену — 15 рублей серебром в месяц...»
- «Закупка овощей для кухни у купца Елисеева — 8 рублей...»
- «Замена разбитого стекла в западном крыле — 2 рубля 50 копеек...»

Я кивала, пытаюсь запомнить имена слуг (кухарка Марфа, горничная Глаша, конюх Прохор), суммы расходов и порядок закупок.

Экономка рассказывала о распорядке дня в усадьбе:

«Завтрак для Его Сиятельства подается ровно в девять утра в малой столовой... Обед — в два часа пополудни в большой столовой... Ужин — в восемь вечера либо в кабинете графа...»

Я слушала этот сухой перечень правил так, будто мне зачитывали приговор.

- «Ваши личные покои убираются горничной Глашей по вторникам и пятницам...»
- «Прачечная находится во флигеле за конюшней...»
- «Ключница Дарья отвечает за бельевые кладовые...»

Это был мир строгой иерархии и беспрекословного подчинения.

Наконец она дошла до самого главного:

«А это — ключница».

Она достала из кармана связку огромных железных ключей на медном кольце и с громким стуком положила их передо мной на стол.

Звук был оглушительным в тишине столовой.

Я смотрела на эти ключи.
Ключ от винного погреба.
Ключ от кладовой с провизией.
Ключ от бельевой.
Ключ от сундуков с серебром.
Это были ключи от всей усадьбы.
Символы власти хозяйки дома.
И одновременно — символы моей несвободы.
Я стала хранительницей этих стен.
Тюремщицей самой себя.

Я взяла связку холодных ключей. Их тяжесть показалась мне неподъемной.

Передача дел завершилась.
Аграфена Петровна собрала свою книгу и встала.

> «Если возникнут вопросы или распоряжения будут от Его Сиятельства — я всегда к вашим услугам».

>

> Она снова поклонилась и вышла из столовой.

>

> Я осталась одна.

>

> Передо мной лежала раскрытая книга графа.

> Рядом поблескивала связка ключей.

>

> Я посмотрела на свое отражение в темном оконном стекле.

>

> Кто эта женщина?

>

> Бледная тень с испуганными глазами?

>

> Или новая хозяйка «Усадьбы теней»?

>

> Ответа не было.

>

> Была лишь глухая тишина огромного дома да шорох переворачиваемых страниц бухгалтерской книги.*

Глава 8. Странные слуги

Дни в «Усадьбе теней» слились в одну бесконечную, серую ленту, похожую на пыльную паутину, что свисала с потолков в заброшенных коридорах. Моя жизнь превратилась в череду бессмысленных ритуалов, каждый из которых был призван не столько поддерживать порядок в доме, сколько сломить мою волю и превратить меня в бездушный механизм, винтик в огромном механизме графского хозяйства. Я просыпалась с первыми лучами холодного солнца, которые с трудом пробивались сквозь свинцовые тучи и мутные стекла, завтракала в одиночестве (граф предпочитал принимать пищу у себя в кабинете), а затем спускалась в малую столовую, где меня уже ждала Аграфена Петровна с амбарной книгой. Часы напролет мы проводили за сверкой цифр, проверкой счетов и распределением провизии. Это была бухгалтерия отчаяния, где каждая потраченная копейка была гвоздем, забитым в крышку моего гроба.

Я выучила имена всех слуг, их обязанности и даже их привычки. Кухарка Марфа — дородная женщина с вечно красным лицом, которая готовила простые, но сытные блюда и при этом постоянно что-то бормотала себе под нос, словно молилась. Конюх Прохор — молчаливый великан, который при виде меня всегда опускал глаза и норовил поскорее скрыться в конюшне. Горничная Глаша — совсем юная девушка с испуганными глазами олененка, которая убирала мои покои так тихо, что я порой забывала о ее присутствии. И, конечно, дворецкий — безмолвная тень с каменным лицом, который появлялся и исчезал бесшумно, как призрак. Все они были идеально вышколены, безукоризненно вежливы и... пугающе безлики.

Но чем дольше я наблюдала за ними, тем больше крепло во мне странное, тревожное чувство. В их поведении сквозило что-то неестественное, почти механическое. Их вежливость была маской, за которой скрывался либо панический страх, либо глухая, вековая ненависть. Они не просто служили графу — они его боялись до дрожи в коленях. И этот страх был заразен. Он пропитывал стены дома, сочился из-под половиц, висел в воздухе тяжелым туманом.

*Мои подозрения впервые обрели форму одним промозглым утром. Я сидела в малой столовой, пытаюсь разобраться в счетах от поставщика свечей, когда дверь тихо скрипнула. На пороге стояла Глаша. В руках она держала стопку свежевывглаженного белья.

— Глаша? Что-то случилось? — спросила я, отрываясь от бумаг.

Девушка вздрогнула, словно ее застали за чем-то предосудительным. Ее глаза метнулись к двери, а затем снова ко мне.

— Н-нет... госпожа... Я... я принесла белье... Как вы велели...

Ее голос дрожал, а руки, державшие стопку простыней, заметно тряслись.

— Хорошо, оставь его на комод.

Она поспешно исполнила приказание и уже повернулась к выходу, но я остановила ее.

— Глаша... Подожди.

Она замерла, словно окаменев.

— Скажи мне... Тебе здесь... нравится?

Это был глупый вопрос. Что могла ответить крепостная девушка? Но мне отчаянно хотелось услышать живой человеческий голос, а не скрипучий монотонный бубнеж экономки.

Глаша медленно повернулась ко мне. В ее глазах плескался первобытный ужас.

— Нравится?.. — прошептала она так тихо, что я едва расслышала. — О чем вы, госпожа? Мы здесь не для того, чтобы нравилось...

Ее взгляд снова метнулся к двери.

— Простите... Мне надо идти... Госпожа Аграфена Петровна будет гневаться...

И она выскользнула из комнаты так быстро, словно за ней гнались черти.

Я осталась сидеть, глядя ей вслед. Ее страх был неподдельным. Она боялась не меня. Она боялась *чего-то другого*. Или *кого-то*.

В тот же день произошел еще один странный случай. Я решила лично проверить запасы в винном погребе — огромное сводчатое помещение глубоко под домом, где царил вечный холод и пахло сыростью и кислым вином. Я взяла ключи у Аграфены Петровны и спустилась вниз по крутой каменной лестнице со свечой в руке.

В погребе было темно и тихо. Ряды бочек уходили во мрак. Я шла между ними, освещая себе путь дрожащим огоньком свечи. Внезапно я услышала голоса. Тихие, приглушенные, доносившиеся из-за штабеля ящиков с вином.

Я замерла.

— ...не наше дело... — говорил мужской голос, низкий и хриплый.

— ...она такая же, как остальные... — отвечал женский голос, который я узнала — это была кухарка Марфа.

— Тише ты! Услышит кто! — шикнул мужчина.

Раздался звук торопливых шагов по каменному полу.

Я прижалась к холодной бочке, стараясь не дышать. Мое сердце колотилось как сумасшедшее.

Они говорили обо мне? «Она такая же, как остальные»? Что это значило? Были ли другие «жены» графа до меня? И что с ними стало?

Голоса стихли. Я подождала еще несколько минут и осторожно выглянула из-за ящиков. В погребе было пусто. Только тени от моей свечи плясали на стенах.

Я поспешила наверх, чувствуя себя так, будто только что столкнулась с призраками.

Вечером того же дня я сидела у себя в покоях и пыталась читать книгу — какой-то французский роман о любви пастуха и пастушки. Но строчки расплывались перед глазами. Мысли мои постоянно возвращались к подслушанному разговору.

«Она такая же, как остальные».

Эта фраза не давала мне покоя. Она звучала как приговор.

Внезапно дверь моей комнаты приоткрылась без стука. На пороге стояла Дуняша.

— Дуняша? Что ты здесь делаешь? Ты же знаешь, что слугам запрещено входить ко мне без вызова!

Дуняша быстро оглянулась по сторонам и проскользнула в комнату, плотно прикрыв за собой дверь.

— Тише вы! — зашипела она на меня шепотом. — Вы что, хотите беду накликасть?

Я встревожилась:

— Что случилось?

Дуняша подошла ко мне вплотную и заговорила еще тише:

— Я слышала... Слышала разговор на кухне... Марфа с Прохором шептались...

У меня перехватило дыхание:

— О чем?

Дуняша схватила меня за руку:

— Они говорили про вас! И про графа! Сказали... Сказали: «Еще одна молодая да красивая... Долго не протянет».

Слова ударили меня наотмашь.

«Долго не протянет».

Смысл этих слов был ужасен и очевиден.

Я почувствовала, как ледяной холод сковывает мое тело.

— Что это значит? Дуняша! Что они имели в виду?

Дуняша лишь сокрушенно покачала головой:

— Не знаю я ничего толком... Но чую беду... Темное тут все... Душное...

Она перекрестилась:

— Вы бы поосторожней были с ними со всеми... Слуги-то они странные...

И тут я поняла то, что подсознательно чувствовала все эти дни.

Слуги не просто боялись графа.

Они были *соучастниками*.

Они знали его тайну. Знали о судьбе предыдущих жен. И теперь они знали мою судьбу тоже.

Они были молчаливыми стражами этого проклятого дома. Безмолвными свидетелями его злодеяний.

И они ждали.

Ждали, когда придет мой черед «не протянуть».

Ночью я долго не могла уснуть. Я лежала в огромной кровати под балдахином и смотрела в темноту. Дом скрипел и стонал вокруг меня, словно живой организм, переваривающий свою жертву.

Внезапно мне показалось, что я слышу тихий шорох за дверью моей спальни. Я затаила дыхание и прислушалась. Да... Там кто-то был. Кто-то стоял в коридоре и не уходил.

Страх ледяной рукой сжал мое сердце.

Я тихо встала с кровати и на цыпочках подошла к двери. Прислонив ухо к холодному дереву, я замерла.

Тишина.

А затем — едва слышный звук удаляющихся шагов по каменному полу коридора.

Кто-то следил за мной.

Следующей ночью это повторилось.

И через ночь тоже.

Каждую ночь кто-то стоял у моей двери и слушал мое дыхание.

А днем слуги смотрели на меня своими пустыми глазами оловянных солдатиков и делали вид, что ничего не происходит.

Я оказалась в западне из живых людей.

В доме полном теней прошлого которые дышали мне в затылок каждую ночь шепча: «Ты такая же как остальные».

Глава 9. Картина на стене

Жизнь в «Усадьбе теней» превратилась в тягучий, однообразный ритуал, похожий на медленное погружение в болото. Дни сменяли друг друга, неотличимые, как капли ледяного дождя, бьющие в окно моей спальни. Я существовала в двух измерениях: днём — бездушная хозяйка, сверяющая цифры в амбарных книгах, отдающая распоряжения кухарке и принимающая доклады экономки с бесстрастным лицом каменной статуи; ночью — одинокая узница в своей огромной, холодной постели, вслушивающаяся в скрипы и шорохи старого дома, вздрагивающая от каждого звука за дверью. Граф Волков после нашей первой и единственной брачной ночи словно вычеркнул меня из своей жизни. Он не звал меня к себе, не требовал моего присутствия за обедом. Мы жили как два корабля, дрейфующих в одном океане, но никогда не пересекающих курс. Его молчание было страшнее криков — это было молчание хищника, который уже поймал добычу и теперь лениво играет с ней, прежде чем нанести последний удар.

Моим единственным убежищем, моей крепостью внутри этой тюрьмы стали мои личные покои. Здесь, за массивной дубовой дверью, я могла позволить себе быть слабой. Здесь я могла плакать, уткнувшись лицом в подушку, чтобы никто не услышал. Здесь я могла мысленно возвращаться к Андрею, перебирая в памяти каждое мгновение нашей единственной ночи, словно драгоценные камни из разорванного ожерелья. Моя комната была моим последним бастионом, и я отчаянно цеплялась за иллюзию безопасности, которую она давала.

В то утро я проснулась позже обычного. Серый свет уже заливал комнату, рисуя на стенах унылые геометрические узоры. Я лежала, кутаясь в одеяло и не желая вставать. Вчерашний день был особенно изнурительным: проверка погребов с соленьями отняла все силы, а ледяной взгляд Аграфены Петровны, следившей за каждым моим движением, вымотал нервы до предела. Я повернула голову и посмотрела на стену напротив кровати. Там висел большой пейзаж в тяжелой золочёной раме — единственное яркое пятно в этой мрачной комнате. Картина изображала летний сад, залитый солнцем: цветущие яблони, изумрудная трава, синее-синее небо. Я часто смотрела на неё по утрам. Этот выдуманный мир был так не похож на мою реальность, что казался окном в другой, счастливый мир. Он давал мне надежду.

Я села на кровати и потянулась. Взгляд снова упал на картину. И в первый момент я подумала, что всё ещё сплю и вижу продолжение сна. Что-то было не так. Что-то изменилось. Я моргнула, протёрла глаза... Нет. Ошибки быть не могло.

Картина висела криво.

Совершенно незначительно, на какой-то дюйм или два, но для моего натренированного глаза хозяйки дома это было очевидно. Вчера вечером, когда горничная Глаша уходила, унося подсвечники, картина висела идеально ровно. Я это точно помнила. А теперь правый верхний угол холста опустился ниже левого.

Я встала с кровати, набросила на плечи шаль и подошла к стене. Вблизи это было ещё заметнее. Кто-то заходил в мою комнату и трогал картину? Но зачем? И кто? Глаша убирается по вторникам и пятницам, а сегодня была среда. Дуняша? Но она никогда не входит без стука и моего разрешения.

Я осторожно коснулась тяжёлой рамы. Дерево было холодным. Я попыталась поправить картину, но рама оказалась слишком тяжёлой для моих ослабевших рук. Я оставила всё как есть и вернулась к туалетному столику, пытаясь убедить себя, что это просто игра воображения или сквозняк... Но тревога уже пустила свои холодные корни в моё сердце.

> *Днём странности продолжились.*

>

> Я сидела в малой столовой над счетами от мясника (цена на телятину снова выросла), когда дверь тихо отворилась. На пороге стоял дворецкий.

>

> — Его Сиятельство желает вас видеть.

>

> Его голос был таким же бесцветным, как и всегда.

>

> Мое сердце пропустило удар.

>

> Граф *звал* меня? Впервые за всё время? Зачем?

>

> Я медленно отложила перо.

>

> — Он... он не сказал зачем?

>

> Дворецкий едва заметно качнул головой.

>

> — Он ждёт вас в своём кабинете.

>

> Кабинет графа находился в западном крыле дома — самой старой и мрачной его части. Я ни разу там не была.

>

> Я поднялась из-за стола.

>

> — Хорошо. Проводите меня.

Мы шли по длинным коридорам в полном молчании. Тишину нарушал лишь шорох моих юбок по каменному полу да глухой стук трости дворецкого. Дом казался вымершим. Наконец мы остановились у высоких дубовых дверей, покрытых затейливой резьбой.

> *— Прошу,* *— дворецкий распахнул передо мной дверь.*

Я вошла в кабинет и остановилась на пороге.

Это была огромная комната с высоким потолком и стрельчатыми окнами, выходящими в парк. Воздух здесь был спертым и пах книжной пылью, табаком и чем-то ещё — тем самым сладковатым ароматом увядших цветов. Стены от пола до потолка были заставлены книжными шкафами из тёмного дерева. В центре комнаты стоял массивный письменный стол, заваленный бумагами и картами. А за столом, в глубоком кожаном кресле с высокой спинкой, сидел граф Волков.

> *Он не встал при моём появлении.*

> *— Подойди ближе,* *— его голос был тихим и скрипучим.*

Я сделала несколько шагов вперёд и остановилась на почтительном расстоянии от стола.

> *— Вы звали меня... супруг?*

Он медленно поднял на меня свой выпцветший взгляд. В нём не было ни тепла, ни желания — только холодный расчёт.

> *— Да... Я хотел обсудить один важный вопрос касательно нашего... совместного проживания.*

Я сжала руки в замок перед собой, ожидая худшего.

> *— Как вам известно,* *— продолжал он,* *— этот дом полон слуг. И у стен есть уши... а у слуг — языки. Я не желаю давать пищу для досужих сплетен и пересудов.*

Я не понимала, к чему он клонит.

> *— Поэтому я ввожу новое правило в нашем доме,* *— его тон не терпел возражений.* *— Отныне ваши покои становятся вашей неприкосновенной территорией. Вы не должны покидать их без крайней необходимости или моего личного приглашения.*

Я похолодела.

> *— А вы... супруг?*

> *Он позволил себе тонкую улыбку — лишь кончики губ дрогнули.*

> *— А я не буду посещать ваши покои без вашего письменного приглашения... которого вы никогда не напишете.*

Смысл его слов обрушился на меня ледяной волной. Он не просто отдалял меня от себя — он запирает меня в моей же комнате! Он превращал мои покои в золотую клетку!

> *— Вы хотите сказать... что мы будем жить как... как брат и сестра?*

Граф тихо рассмеялся — звук был похож на шелест сухих листьев.

> *— Не стройте иллюзий,* *сударыня.* *— Его голос стал жестким.* *— Вы моя жена перед Богом и людьми. Но я не мальчишка, чтобы бегать за каждой юбкой.* *— Он окинул меня оценивающим взглядом.* *— К тому же... молодость быстро увядает... А вот статус и состояние вечны.* *— Он сделал паузу.* *— Вы будете вести хозяйство. Я буду заниматься своими делами.* *— Он позвонил в маленький серебряный колокольчик на столе.* *— Наше общение будет сведено к минимуму.* *— Он посмотрел мне прямо в глаза.* *— Это понятно?*

*

- > Я была слишком ошеломлена этим странным ультиматумом чтобы спорить.
- >
- > — Да... супруг.
- >
- > В кабинет тут же вошёл дворецкий.
- >
- > — Проводите графиню в её покои.

Я вышла из кабинета на негнущихся ногах. Дворецкий шёл впереди меня молчаливой тенью. Мы вернулись в мою часть дома в полном молчании.

Я закрыла за собой дверь своей комнаты и прижалась к ней спиной, словно пытаюсь отгородиться от всего мира. Что это было? Милость? Или очередная изощрённая пытка? Он отверг меня физически, но запер духовно. Он дал мне свободу от своего тела, но отнял свободу передвижения по дому.

Я медленно подошла к окну и посмотрела на серый парк. Я была птицей в клетке с прекрасным видом на кладбище.

Внезапно мой взгляд упал на туалетный столик. Там стояла фарфоровая чашка с остатками утреннего чая. И она... она стояла не с той стороны!

- > Я точно помнила: я всегда ставила чашку справа от себя.
- > А теперь она стояла слева!
- >
- > Холодный пот выступил у меня на лбу.
- >
- > Это уже не могло быть случайностью.
- >
- > Кто-то был здесь!
- >
- > Кто-то заходил в мою комнату!
- >
- > Но кто?
- >
- > И зачем?
- >
- > Чтобы переставить чашку?
- >
- > Чтобы повесить картину криво?
- >
- > Это было бессмысленно...
- >
- > Если только...
- >
- > Если только это не было посланием!
- >
- > Предупреждением!
- >

- > «Мы здесь».
- > «Мы видим тебя».
- > «Мы можем войти в любую минуту».

Я бросилась к двери и проверила замок. Он был заперт изнутри. Окна? Они были закрыты на задвижки.

Значит... кто-то имел ключи от моей комнаты!

У кого были ключи? У Дуняши? У Глаши? У экономки?

Я вспомнила подслушанный разговор в погребе: «Она такая же, как остальные».

И слова Дуняши: «Долго не протянет».

И шаги за дверью по ночам...

Все кусочки мозаики сложились в ужасающую картину.

Слуги были заодно с графом!

Они были его глазами и ушами!

Они следили за мной!

Они ждали...

Я подбежала к картине на стене. Теперь я смотрела на неё другими глазами. Это был не просто пейзаж. Это был наблюдательный пункт! За картиной легко мог скрываться глазок!

Дрожащими руками я схватилась за тяжёлую раму и с неожиданной для себя силой рванула её на себя. Рама со скрипом отошла от стены...

Но за ней была лишь голая штукатурка.

Никакого глазка.

Никакого тайного хода.

Только холодная стена.

Я отпустила раму, и она со стуком вернулась на место.

Я сползла по стене на пол и закрыла лицо руками.

Я сходила с ума?

Или этот дом сводил меня с ума?

Внезапно я услышала тихий шорох со стороны двери. Кто-то пытался повернуть ручку снаружи!

> Я замерла.

>

> Ручка повернулась еще раз... но замок держал крепко.

>

> Затем раздался тихий удаляющийся звук шагов.

>

> Они проверяли меня...

>

> Проверяли мой замок...

>

> Мое убежище больше не было безопасным.

>

> Нигде в этом доме не было безопасно.

>

> Я осталась одна против всех: против старика-мужа, против молчаливых слуг-призраков и против самого дома, который дышал мне в затылок своими ледяными сквозняками.*

Глава 10. Чашка с секретом

Утро не принесло облегчения. Сон, если это вязкое, тревожное забытие можно было назвать сном, лишь отнял последние силы. Я проснулась с тяжелой головой и ощущением липкого страха, который, казалось, впитался в простыни. Ночные шорохи за дверью, ощущение чужого взгляда, следящего за мной из темноты — всё это измотало меня до предела. Я чувствовала себя запертой в шкатулке с секретом, где каждая деталь была настроена против меня, а ключ от выхода находился в руках безумца.

Я встала с постели и подошла к окну. Парк за стеклом был окутан густым, молочным туманом. Деревья превратились в безмолвные черные тени, словно призраки, вышедшие на прогулку. Этот туман был плотным, почти осязаемым; он казался идеальной метафорой моего существования здесь — я жила в густом, непроглядном тумане страха и неизвестности, не видя дальше собственного носа и не зная, что ждет меня за следующим поворотом.

Тело требовало очищения. Не только от физической грязи после беспокойной ночи, но и от невидимой скверны, которая, как мне казалось, покрывала меня с ног до головы после той ужасной брачной ночи и постоянного ощущения слезки. Я позвонила в колокольчик для прислуги. Через несколько минут дверь тихо отворилась, и на пороге появилась Глаша. Её глаза, как всегда, были опущены долу.

— Доброе утро, госпожа. Ванну приготовить?

Её голос был тихим, шелестящим, как сухие листья под ногами. Я кивнула, не оборачиваясь.

— Да. И пусть принесут горячей воды... много.

Она поклонилась и исчезла. Вскоре в моей комнате появились дюжие лакеи с ведрами кипятка. Они наполнили огромную медную ванну, стоявшую за расписной ширмой в углу комнаты, и так же молча удалились. Глаша принесла мне стопку чистых полотенец и халат из тонкого сукна.

Оставшись одна, я медленно разделась. Холодный воздух комнаты заставил меня поёжиться и покрыться мурашками. Я шагнула в ванну. Горячая вода обожгла кожу, но это была приятная боль. Я погрузилась в неё по самую шею, чувствуя, как тепло постепенно проникает в оочевенные мышцы, расслабляя их.

> *Я откинула голову на край ванны и закрыла глаза. На несколько блаженных минут я позволила себе просто быть. Не графиней Волковой, не пленницей, не объектом слезки. Просто женщиной, принимающей горячую ванну в холодное утро.*

>

> *Но покой был недолгим.*

>

> *Внезапно я услышала тихий стук фарфора о деревянный пол.*

>

> *Я резко открыла глаза.*

>

> *На полу, у самой ширмы, лежала моя утренняя чашка с чаем. Тонкий костяной фарфор с голубой росписью. Она упала со столика, на который я её поставила.*

>

> *«Странно», — подумала я. — «Я не помню, чтобы ставила её на край».*

>

> *Я выбралась из ванны, наскоро завернувшись в простыню, и подошла к столику. Чашка лежала у моих ног, целая. Я подняла её и машинально взглянула на рисунок.*

>

> *И кровь застыла у меня в жилах.*

На белоснежной поверхности фарфора, среди привычных голубых завитков и цветов, появился новый элемент. Это было невозможно, это было кощунством над здравым смыслом, но я видела это своими глазами. В центре чашки, словно проступая из глубины фарфора, проступал новый рисунок: тонкая, изящная рука с кинжалом или стилетом, занесенным для удара.

Я выронила чашку. Она снова упала на ковер с глухим стуком, но на этот раз по белому голубому узору поползла тонкая трещина-паутинка.

— Нет... — прошептала я, отступая на шаг назад.

*Это было послание. Четкое и недвусмысленное. Угроза.

«Будь осторожна».

«Тебе грозит опасность».

«Мы здесь».

Кто-то вошел в комнату, пока я была в ванной. Кто-то подошел к моему столику и... что? Изменил рисунок на чашке силой мысли? Это было колдовство! Или... или я действительно схожу с ума.

Я опустилась на колени перед разбитой чашкой, не решаясь коснуться осколков.

— Кто здесь? — мой голос сорвался на хриплый шепот.

Тишина была мне ответом.

Внезапно паника накрыла меня с головой. Вода в ванне начала остывать, от неё шел пар, но мне стало холодно так, будто я снова стояла голой на зимнем ветру.

Я должна была смыть с себя этот ужас.

Я должна была очиститься.

Решение пришло мгновенно и было продиктовано не разумом, а первобытным инстинктом выживания.

Я не могла доверять ни воде в ванне (вдруг она отравлена?), ни полотенцам (вдруг они пропитаны ядом?), ни даже воздуху в этой комнате.

Мне нужна была чистая вода.

Прямо сейчас.

Я вскочила на ноги и бросилась к умывальнику в углу комнаты. Там стоял большой фарфоровый таз и тяжелый кувшин с чистой водой, которую Дуняша приносила мне каждый вечер из колодца во дворе.

Дрожащими руками я схватила кувшин.

— Прочь... Прочь... — шептала я как в бреду.

Я вернулась к ванне и начала лить воду из кувшина прямо на себя.

— Смой это... Смой их всех...

Вода стекала по моим волосам, по лицу, по плечам. Я скребла кожу ногтями так сильно, что она покраснела.

— Ненавижу... Ненавижу этот дом... Ненавижу его...

Я вылила на себя половину кувшина. Вода в ванне помутнела от мыла и моего отчаяния.

Я поставила кувшин и начала лихорадочно полоскать волосы прямо там же, наклоняясь над краем ванны и погружая голову в уже остывшую воду.

— Лиза! Что вы делаете?!

Резкий окрик заставил меня вздрогнуть и обернуться.

В дверях стояла Дуняша. Её лицо было белым как мел, глаза широко распахнуты от ужаса.

— Вы же простудитесь! Господи помилуй! Вылезайте немедленно!

Она бросилась ко мне и силой вытащила из ванны, закутав в огромное льняное полотенце так туго, что я почувствовала себя спеленатым младенцем.

— Дурочка вы моя... Красавица... Что ж вы над собой творите-то? Вода ж ледяная совсем!

Она усадила меня в кресло у камина и принялась растирать мои плечи через полотенце. Я смотрела на неё невидящим взглядом.

— Дуняша... — мой голос дрожал. — Ты видела?

— Что видела? Осколки? Я сейчас приберу...

— Нет! Чашку! До того как она разбилась!

Дуняша замерла на секунду.

— Какую чашку? Вы о чем?

— На ней был рисунок! Рука с ножом! Прямо на фарфоре!

Дуняша нахмурилась и посмотрела на осколки у своих ног.

— Барышня... Лизавета Петровна... На чашке всегда был только голубой узор. Ручейком таким бежал... Никакого ножа там не было.

Я вырвалась из её рук.

— Ты лжешь! Ты тоже с ними! Ты всё видишь и молчишь!

Дуняша отшатнулась от меня как от прокаженной.

— Да что вы такое говорите? С кем — с ними? Опомнитесь!

Она быстро собрала осколки чашки в передник и выбросила их в корзину для мусора у двери.

Моё дыхание стало прерывистым. Комната снова начала плыть перед глазами.

— Они следят за мной... Они меняют вещи... Картина висит криво... Чашка меняет рисунок...

Дуняша подошла ко мне и присела на корточки перед креслом, заглядывая мне в глаза снизу вверх.

— Милая вы моя... — её голос стал мягким как бархат. — Вам тяжело здесь. Очень тяжело. Этот дом давит... А после того что было ночью с графом... Это любого сломает.

Она взяла мои ледяные руки в свои теплые ладони.

— Вам просто нужно отдохнуть. Успокоиться. Выпейте горячего молока с мёдом...

Её забота была такой искренней, такой неподдельной, что моя истерика начала сходить на нет. Может быть... может быть, она права? Может быть, это всё — последствия шока? Может быть, рука с ножом мне просто привиделась?

Дуняша помогла мне надеть теплый халат и усадила ближе к камину.

Огонь весело потрескивал, отбрасывая теплые блики на стены комнаты.

Я смотрела на пламя и чувствовала, как меня начинает бить крупная дрожь — запоздалая реакция организма на холод и страх.

Дуняша укрыла мои колени пледом.

— Вот так... Вот так хорошо...

Но я знала: хорошо не будет уже никогда.

Вещи в этом доме жили своей жизнью.

Они двигались.

Они менялись.

Они предупреждали меня об опасности или сводили меня с ума — я уже не могла отличить одно от другого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.